

Литагент «Книжкин Дом», Станислав
Аверков

Как я обстрелял Соединенные Штаты Америки

Станислав Аверков

**Как я обстрелял Соединенные
Штаты Америки**

«1000 бестселлеров»

2015

Аверков С. И.

Как я обстрелял Соединенные Штаты Америки / С. И. Аверков —
«1000 бестселлеров», 2015

В книге «Как я обстрелял Соединенные Штаты Америки» рассказано о особо секретных в советское время разработках удивительных видов советских ракетных вооружений. Материал представлен в авторской редакции!

© Аверков С. И., 2015
© 1000 бестселлеров, 2015

Содержание

Об авторе	5
Аннотация-предисловие	6
Глава I. Как я обстрелял Соединенные Штаты Америки на ее Западном побережье	10
1. Как зарождался «частично орбитальный бомбардировщик»	10
2. Байконур встретил новичка космическим запуском	16
3. Каким прекрасным был старт и полет моей первой ракеты!	18
4. Как гром среди ясного неба	21
5. Когда же меня расстреляют?	23
6. Вызов в Москву на расстрел?	26
Глава II. Как наши деды приближали победу	28
1. У нас на Байконуре 22 июня было днем памяти и скорби	28
2. Фашистский «котел» под Харьковом для Красной армии в 1942 году	30
3. В детстве была война	32
4. Сражения на Кавказе	35
5. Подвиги на Главном Кавказском хребте	36
6. Битва за кавказскую нефть	38
7. Возвращение в родной обстрелянный дом на сталинградской земле	41
8. Фашистский генерал Руофф: гитлеровский Ростов-на-Дону – это ворота в Индию	43
Глава III. Сражения Чрезвычайного и Полномочного посла	44
1. Партизанская Белоруссия	44
2. В фашистском лагере советский посол	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Станислав Аверков

Как я обстрелял Соединенные Штаты Америки

Об авторе

Станислав Иванович Аверков

Специалист Отдела систем управления баллистических, стратегических, межконтинентальных ракет и ракет-носителей

КБ «Южное» в 1962–1989 гг.,

С 1989 по 1996 годы редактор газеты «Конструктор» КБ «Южное»

Член союза журналистов СССР и Украины,

Награжден Федерацией космонавтики СССР медалью М.К. Янгеля за большой вклад в пропаганду достижений советской космонавтики, автор многочисленных публикаций в московской и региональной прессе о ракетостроении и космонавтике.

Аннотация-предисловие

В книге «Как я обстрелял Соединенные Штаты Америки» рассказано о особо секретных в советское время разработках удивительных видов советских ракетных вооружений. О них в других книгах можно найти лишь краткое упоминание (например, прекрасная книга Антона Первушина «Звездные войны», ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», Санкт-Петербург, 2014 год). Другие авторы приводят о них сведения, свидетельствующие о том, что они почерпнуты из некомпетентных источников. Третьи авторы вообще обходят эти разработки стороной.

Речь идет прежде всего о так называемом «частично орбитальном бомбардировщике». Под этим американским названием скрывалась советская частично орбитальная стратегическая межконтинентальная ракета Р-36 – Орб (8К69). В ее разработке и испытаниях автор принимал непосредственное участие, будучи специалистом высшей квалификации в ракетно-космическом конструкторском бюро «Южное» под руководством главного конструктора дважды Героя Социалистического Труда академика АН СССР М.К. Янгеля.

Дальность поражения цели этой ракетой Р-36 – Орб (8К69) была сорок тысяч километров. Стартовав на Байконуре, она по околоземной орбите могла облететь Земной шар, чтобы достичь территории США через Южный полюс. Подлетев к США с юга, она, спустившись с орбиты, могла устроить ядерный взрыв, чтобы уничтожить, например, Нью-Йорк или Вашингтон с их окрестностями.

Наш частично орбитальный бомбардировщик потребовался СССР по следующей причине. Американцы были уверены в том, что советские ракеты смогут нанести ущерб США, достигнув американцев только через Северный полюс. Поэтому свою противоракетную оборону они выстроили на Аляске. Таким образом, наш частично орбитальный бомбардировщик превратил бы американскую ПРО в пустую трату долларов.

В книге убедительно показано, что так называемые звездные войны в околоземном пространстве начались после длительного этапа междоусобиц между нашими гениями ракетостроения. Эти противоречия не смогло или не хотело устранить даже руководство страны. После смерти Н.С. Хрущева был заключен творческий союз между двумя академиками Героями Социалистического Труда А.И. Савиным и М.К. Янгелем.

А.И. Савин, возглавив после снятия Н.С. Хрущева проект «Истребители Спутников», создал прекрасную программно-электронную начинку космического аппарата «Истребители Спутников». М.К. Янгель разработал для «ИСа» на базе частично орбитального бомбардировщика совершеннейшую ракету-носитель «Циклон». В разработке «Циклона» и в летно-конструкторских испытаниях системы «Циклон» – «ИС» автор принимал непосредственное участие. Возглавлял Государственную Комиссию по летно-конструкторским испытаниям системы «Циклон» – «ИС» космонавт-2, Герой Советского Союза генерал Герман Степанович Титов.

Многие страницы книги посвящены этим труднейшим летно-конструкторским испытаниям. Их результаты были для нас ошеломляющими. Впервые в мире 1 ноября 1968 года была уничтожена на околоземной орбите мишень «Космос-248» истребителем спутников «Космос-252». Они были выведены на околоземную орбиту нашими янгелевскими ракетами 11К67 (прототипом «Циклона»).

В 1970 году 20 октября на околоземную орбиту была выведена мишень «Космос-373». Истребитель спутников «Космос-374» был выведен на околоземную орбиту нашей янгелевской ракетой 11К69 («Циклон») 23 октября 1970 года. Он сблизился с «Космосом-373» в тот же день. «Космос-375» был выведен на околоземную орбиту 30 октября 1970 года ракетой 11К69 («Циклон»). Как и его собрат, он сблизился с «Космосом-373» в день запуска.

Имитации уничтожения, а не само уничтожение, были предприняты из следующего соображения: американцы не должны были обнаружить в космосе наше новое достижение в деле ликвидации на околоземных орбитах вражеских космических аппаратов с применением новой янгелевской ракеты «Циклон».

Это выдающееся событие совпало с моим днем рождения. По предложению главы Государственной Комиссии по летно-конструкторским испытаниям системы «Циклон»-«ИС» Германа Степановича Титова два события были отпразднованы на космодроме Байконур нашей испытательной ракетостроительной братией одновременно. От этого празднования воспоминания остались потрясающими! Ракетная стартовая площадка «гудела, как улей»!

Американцам удалось достичь успеха нашей ракетно-космической системы «Циклон» – «ИС» лишь в 2009 году. Тогда над Таймыром американский управляемый космический аппарат «Иридиум-33» подлетел к нашему закончившему свое функционирование в космосе спутнику и разрушился вместе с ним.

В книге уделено внимание Лунной программе с высадкой человека на Луну. В Соединенных Штатах Америки полет на Луну и высадку на нее американских астронавтов осуществил немецкий основоположник современного практического ракетостроения барон Вернер фон Браун. В фашистской Германии он создал ракету Фау-2. Читателям будет интересно узнать, что у немецко-фашистско-американского барона Вернера фон Брауна были древнерусские славянские княжеские корни. Он был из рода новгородского князя Рюрика – летописного основателя Новгородского княжества на Руси, варяга из народа «русь», и родоначальника княжеской, ставшей впоследствии Российской царской династии Рюриковичей (предком немецкого барона Вернера фон Брауна был и креститель Руси князь святой Владимир, его дочь Добронега от брака с сестрой византийских императоров Анной, а также муж Добронеги польский король Казимир I).

В отличие от Вернера фон Брауна у меня (автора этой книги) – нет ни княжеской или королевской капли крови, но все же есть и немецкие корни. Моя бабушка по линии папы была немкой, а моя мама тоже была немкой, родом они были из Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья (ликвидирована была в августе 1941 года). Мой отец служил в Красной Армии, в штабе Северо-Кавказского фронта, в шпионско-разведывательном подразделении. Был награжден орденом Ленина.

Я (более чем на треть немец) с конца пятидесятых годов прошлого столетия трудился над созданием ракетно-космической мощи СССР. Она превзошла все созданной Вернером фон Брауном в США. Так что мое ракетно-космическое КБ «Южное» во главе с дважды Героями Социалистического Труда, академиками АН СССР М.К. Янгелем и В.Ф. Уткиным в некотором смысле опередило барона Вернера фон Брауна.

В книге одна из глав посвящена советской неудачной Лунной программе с высадкой космонавта на Луну.

По какой причине в СССР отказались от высадки космонавта на Луну?

Читатель найдет ответ на этот вопрос, если прочитает в моей книге воспоминания одного из корифеев создания сверхтяжелой ракеты «Энергия» – главного конструктора ее системы управления, харьковчанина из КБ «Электроприбор» А.С. Гончара:

«...После знакомства представителей моего КБ «Электроприбор» с деятельностью ЦКБ Экспериментального Машиностроения и с его руководителем академиком В.П. Мишиным – продолжателем дел С.П. Королева – и с подразделением ЦКБЭМ – разработчиком системы управления Лунной ракеты-носителя Н1 во главе с академиком Б.Е. Чертоком, мы в КБЭ пришли к выводу, что ЦКБЭМ и его смежники оказались безнадежно отсталыми не только от мирового уровня, но и от многих организаций Советского Союза».

Эта отсталость и была одна из причин прекращения разработки Лунной ракеты – носителя Н1. Читатель найдет подтверждение этому высказыванию А.С. Гончара в моей книге.

На смену неудачному носителю Н1 пришла великолепная ракета «Энергия» и космическая система «Энергия»-«Буран». Но для того, чтобы «Энергия» и «Буран» успешно совершили старт и полет, генеральному конструктору НПО «Энергия» В.П. Глушко (сменившему В.П. Мишина из-за ликвидации Лунной программы с посадкой советского космонавта на естественный спутник Земли) и генеральному конструктору КБ «Южное» В.Ф. Уткину (после смерти М.К. Янгеля занявшего его пост) пришлось совершить революцию в советском ракетостроении. Они предложили правительству новую схему развития ракетостроения в СССР – модульную.

Первая ступень ракеты среднего класса «Зенит» разработки КБ «Южное» должна была стать модулем для первой ступени ракеты тяжелого класса «Энергия» разработки НПО «Энергия». Первая ступень «Зенита» должна была быть использована и для построения первой ступени сверхтяжелой ракеты-носителя «Вулкан». Разработка этого сверхтяжелого носителя тоже была в планах академика В.П. Глушко.

Следующие революционное достижение – компьютеризация систем управления этих ракет, что дало возможность реализовать самые сложнее программы их полета.

Это был переворот в советском ракетостроении. Но этот переворот был уничтожен перестройкой и развалом СССР.

Были у советских ракетостроителей и неудачи. Например, 24 октября 1960 года на Байконуре произошла катастрофа с ракетой 8К64 (разработка КБ «Южное»), во время которой погибли 74 специалиста, в том числе и маршал артиллерии, Герой Советского Союза М.И. Неделин. О ней было опубликовано множество материалов, но без знания произошедшего. Даже количество погибших варьировалось от 120 до 1200 человек. В книге приводятся документальное подтверждение о числе погибших – 74 человека и воспоминания об этой катастрофе и ее причинах специалистов, выживших в ней.

В книге рассказано об истории советского ракетостроения с позиции документальности. Ведь даже известный и уважаемый автором журналист Ярослав Голованов в своем монументальном труде «Королев: факты и мифы» не полностью раскрыл некоторые факты из биографии С.П. Королева. Например, пребывание С.П. Королева в Новочеркасской уголовной тюрьме. Ярославу Голованову не удалось найти свидетелей этого эпизода из жизни Сергея Павловича. Автор сумел отыскать их. Их рассказ уточнил некоторые нюансы формирования характера и способов реализации устремлений Сергея Павловича. Например, Сергей Павлович, прошедший юность в Одессе, смог установить в тюрьме контакты с охранниками и уголовниками, что позволило ему посылать письма в руководящие органы страны о своей невинности, а также родственникам в Москву, направляя их действия по его освобождению.

Читателям будет интересно узнать о некоторых особенностях жизненного пути тех, кто создавал советские ракеты. Один из их создателей – Б.М. Коноплев, сын революционерки, мечтавшей убить В.И. Ленина.

Автор рассказал в книге о Борисе Михайловиче Коноплеве, погибшем вместе с маршалом М.И. Неделиным. Борис Михайлович был выходцем из рода знаменитого российского академика М.В. Ломоносова. Борис Михайлович был в тридцатые годы крупнейшим в СССР специалистом в области радионавигации. Он принимал участие в полярных экспедициях, а затем в Москве организовывал радиосвязь с советскими полярными станциями. После войны посвятил свою жизнь созданию систем управления советских межконтинентальных ракет.

Его мать Лидия Васильевна Коноплева в начале XX века в Петрограде была членом боевой организации эсеров. Ее мечтой было – застрелить В.И. Ленина. Поэтому и стала в 1918 году одним из организаторов покушения на вождя пролетариата. Покушение не достигло цели. Пришлось Л.В. Коноплевой приспособиться к советской реальности. В 1922 году по рекомендации Н.И. Бухарина она вступила в Российскую Коммунистическую партию (большевиков).

Была отправлена по указанию Л.Д. Троцкого в Германию для развала белоэмигрантских организаций. В 1937 году была расстреляна по приговору особого совещания.

Будет интересно узнать и о том, что Байконур – это не только стартовая площадка для выхода в космос, но и источник драгоценных камней – самоцветов. Автор вместе с коллегами находил их на песчаном грунте возле ракетных стартовых площадок, а затем показывал их ювелирам, выдавая за индийские самоцветы. Ювелиры выхватывали их из моих рук.

От самоцветов до золота один шаг. И о золотых кладах в Великой Степи, раскинувшейся от Карпат до Алтая, где располагались советские ракетные шахты, тоже рассказано в книге.

Не одними же ракетами интересовались ракетостроители!

Например, над ракетными шахтами появлялись на ночном небе неопознанные летающие объекты. И с ними имели дело мы – ракетостроители.

Филиал Байконура был на Камчатке. Рядом в поселке Ключи находилась Камчатская вулканологическая станция. Ее научный сотрудник внучка И.В. Сталина Екатерина Жданова посвящала нас – ракетостроителей в тайны вулканов и сообщала о прогнозах землетрясений. Ее мать – известнейшая в мире дочь И.В. Сталина Светлана. Ее отец – член-корреспондент АН СССР, ректор Ростовского государственного университета, а затем глава Южного научного центра Российской Академии Наук Юрий Андреевич Жданов (сын известного советского партийного и государственного деятеля Андрея Жданова – соратника Сталина) обучал на Кавказе нас – ракетостроителей искусству альпинизма. Под его руководством мы поднимались на Эльбрус. И об этом рассказано в книге.

В книге рассказано и о сегодняшнем плачевном состоянии государственного ракетно-космического конструкторского бюро «Южное» и Южного машиностроительного завода в Днепропетровске (Украина).

В советское время КБЮ и Южмаш были нужны Советскому Союзу. Более тридцати лет КБ «Южное» возглавлял один из его организаторов, последователь М.К. Янгеля, генеральный конструктор, дважды Герой Социалистического Труда, академик АН СССР, выпускник Ленинградского Военно-механического института В.Ф. Уткин. Значительная часть руководителей КБЮ тоже были выпускниками Ленинградского Военмеха. Ныне КБ «Южное» возглавляет генеральный конструктор, выпускник Военмеха А.В. Дегтярев. И сегодня более тысячи сотрудников КБЮ тоже военмеховцы. В 2014 году генеральный конструктор КБЮ А.В. Дегтярев посетил Балтийский Государственный Технический Университет «Военмех» имени Д.Ф. Устинова и открыл в нем мемориальную аудиторию, посвященную многолетнему плодотворному сотрудничеству ВОЕНМЕХа и КБЮ.

После «самостийности» Украины ее руководство до сих пор не может понять, для чего ей нужны КБ «Южное» и Южмаш и их ракетостроение и космические аппараты. На Украине пришли к руководству не государственники, а политические мещане. Когда руководство КБЮ решило образумить депутатов Верховной Рады и свозило их на Байконур, то депутаты стали задавать автору этой книги, сопровождавшему их на Байконуре, вопрос: «А можно ли построить космодром в Киеве на Крещатике?». Большой глупости депутаты Верховной Рады придумать не смогли!

Об этом автор тоже рассказал в книге «Как я обстрелял Соединенные Штаты Америки».

Прочитавшие эту аннотацию спросят: так как же автор обстрелял США? Прочитайте, уважаемые граждане, эту книгу! И в ней вы найдете многое такого, о чем ранее знали только понаслышке или не знали вообще!

Глава I. Как я обстрелял Соединенные Штаты Америки на ее Западном побережье

1. Как зарождался «частично орбитальный бомбардировщик»

В далеком 1966 году, мне довелось впервые осознать величие евроазиатского степного простора. Где еще можно найти на Земном шаре степь, раскинувшуюся на многие тысячи километров от устья Дуная с Карпатскими горами и почти до Великой Китайской стены?

Наш авиалайнер вылетел из Днепропетровска, чтобы «сразиться» с Великой Степью. Это просто сказать – вылетел! А что было перед этим?

Будни есть будни. У кого они цветные, у кого – серые. У меня тогда все переплелось.

Любая ракета – сложнейший проект. Но если наша ракета согласно нашим задумкам планировалась быть не только межконтинентальной, но еще и «супермежконтинентальной», то всем ее создателям пришлось «попотеть» в полную силу.

Американцы узнали о нашей суперракетe через два года после начала ее испытаний и назвали ее FOBS, то есть «частично орбитальный бомбардировщик»!

«Что-то заумно переборщили американцы в названии FOBS?» – спросите вы.

Но такой уж была заумной наша ракета! И все потому, что она должна была превратить разрекламированную американцами их противоракетную оборону в груды металлолома.

В то время американцы предполагали, что наши межконтинентальные ракеты могут достигнуть США по кратчайшему расстоянию – через Северный полюс. Поэтому они выстроили свою противоракетную оборону на Аляске и в Канаде. Наши ученые мужи нашли выход из положения, чтобы перехитрить их.

Наша новая ракета была задумана с невиданным свойством – она должна была стать орбитальной!

Итак, по задумке наших проектантов, первые две ступени «нашего ракетного бомбардировщика» должны были вывести на околоземную орбиту третью часть ракеты, состоящую из «головы» с ядерным зарядом, приборным отсеком и тормозной двигательной установкой. Летя по орбите, третья часть ракеты, приближаясь к цели, должна была сойти с орбиты, затормозившись двигательной установкой и, спустившись с орбиты, поразить цель. Дальность нашей ракеты могла достигать почти сорок тысяч километров. Иными словами, она могла разгромить в США цель, зайдя на нее с Южного полюса. С южной стороны американцы были беззащитны. Вот из-за такого необычного свойства наша ракета смогла получить у американцев такое непривычное название – не просто «бомбардировщика», а «частично орбитального»! Ведь наша ракета не должна была облететь Земной шар, совершив один полный оборот вокруг него, а только часть его, не нарушив при этом международный договор о не выведении в космос ядерного оружия. Вот такими были хитрыми советские ракетостроители!

Мои будни были загружены подготовкой технических заданий на разработку смежными конструкторскими организациями системы управления для «изделия 8К69» и ее отдельных элементов. В секретной документации наша орбитальная ракета именовалась, как «Р-36 – Орб», по заводской технической документации – «изделие 8К69».

Смежниками были харьковское Конструкторское Бюро Электроприборостроения (КБ ЭП или п/я А-7160). и московский Научно-Исследовательский Институт Командных Приборов (НИИ 944 или п/я А-3697, или НИИ КП – что только не придумывали у нас в стране, чтобы

сбить с толку потенциального противника). Эти конструкторские организации были самыми главными в разработке системы управления. У них были десятки своих смежников.

Когда харьковчане прислали разработанный ими эскизный проект системы управления для 8К69, надо было его изучить, проанализировать: все ли наши требования учтены в нем...

Я не собираюсь выкладывать все подробности создания ракеты 8К69. Но как же умолчать о многочисленных технических совещаниях с представителями многочисленных организаций – разработчиков систем и узлов 8К69 по спорным вопросам, о дневных и ночных утрясениях отклонений от документации при реализации нашего проекта в цехах нашего ракетного завода.

На Совете главных конструкторов всех принимавших участие в разработке 8К69 организаций решались наиболее острые вопросы создания 8К69. На эти Советы съезжались руководители всех КБ, НИИ, академий, заводов. Для Советов необходимо было готовить многочисленные проекты постановлений... И все это ложилось на плечи нас, инженеров, в том числе и молодых специалистов.

Но были такие вопросы, о которых стоит вспомнить. Например, один из изготовителей прислал на наш ракетный завод узел, забыв дополнить его крепежными деталями. Вроде бы пустячок, но как без них установить его на ракете? Пришлось по секретной в-ч связи выругать растяп. Те срочно прислали своего представителя с извинениями.

Или электрические кабели из Харькова оказались не новой, а старой распайки.

Текучка переплеталась с глобальными огрехами.

Например, наши специалисты усомнились в возможности выполнения заданной в тактико-технических требованиях министерства обороны величине массы доставляемого к цели боевого заряда. Решили еще раз просчитать возможности «орбиталки».

Они оказались ниже оговоренных в ТТТ. Причина – превышение ракетой допустимого веса из-за ряда допущенных отклонений в процессе изготовления ракеты на заводе. Кто виноват? Конечно, конструкторы. Мы сами санкционировали отклонения в цехах!

Поэтому чтобы вывести третью ступень на расчетную орбиту с требуемым весом, надо было в срочном порядке придумывать способы снижения веса конструкции «орбитального бомбардировщика». Вначале над этим ломали головы теоретики. Потом они объединились с конструкторами. Вместе пришли к выводу, что выявленный недостаток в весе можно было бы ликвидировать за счет изменения технологии покраски корпусов ступеней ракеты. Слишком толстый слой краски наносится на ракетные баки. Он мог бы быть втрое тоньше. Выигрыш при этом – сотня килограммов. То есть в полете вместо этой сотни килограммов можно увеличить вес ядерного заряда. Был подготовлен приказ об изменении технологии покраски.

И тут же возник новый вопрос: что делать с уже изготовленными ракетами? Скоблить? Ну и ну! Скоблить никто не стал, но историю эту долго рассказывали, как анекдот...

Но все это уже осталось позади. Ракета была испытана на стенде в сборочном цехе. Тогда в сборочном цехе она казалась мне верхом совершенства. Даже великолепно красивой. Ее классические формы да плюс белая окраска напоминали мне что-то древнеримское или древнегреческое. Например, одну из колонн древнегреческого храма.

Но заводские испытания закончены! Пора было отправлять наше самое совершенное изделие в мире (как нам казалось) на полигон.

Однако неожиданно меня срочно вызвали в сборочный цех. Оказывается, во время последнего осмотра ракеты было обнаружено никем не предсказуемое, несуразное происшествие, которое не лезло ни в какие рамки!

Кто бы мог подумать, что виной тому могла оказаться обыкновенная кошка, жившая в сборочном цехе. Ее обязанностью было своим запахом предупреждать появление в цехе мелких существ. Они, то есть мыши или крысы, в принципе могли бы перегрызть в цехе электрические кабели. Несмотря на то, что на заводе были предусмотрены самые современные способы защиты кабелей от грызунов, но сборщики ракеты перестарались и завели в цехе кошку.

А она не нашла лучшего места, чем один из отсеков ракеты, чтобы родить там котят. Работники цеха были в шоке: неужели их любимица привела в негодность «частично орбитальный бомбардировщик»?

Пришлось провести дополнительные испытания ракеты, чтобы убедиться, что ракета не повреждена. Заводские юмористы сразу же определили: не только человек, но четвероногие тоже горят желанием побывать в космосе и даже не только сами, но и со своим потомством!

Начальство же оценило случившееся, как не доброе предзнаменование!

Наконец-то, ракетные ступени – все в белом (белый цвет означал, что наше изделие не боевое, а предназначено для летно-конструкторских испытаний) было готово к дальнейшим «экзекуциям».

Весь коллектив КБ и завода вздохнул, когда ракетные ступени погрузили в железнодорожные вагоны и отправили на полигон в в/ч 11284. Ныне это Байконур.

В те дни в моей голове вертелись мысли: когда же командируют на полигон и меня? Работаю уже три года, освоил систему управления «машиной» (в разговорах мы не употребляли слова «ракета», только – «машина» или «изделие»)! А меня все еще считают молодым спецом! Пора уже и мне принять участие на полигоне в испытательских буднях!..

Наше КБ заплатило железнодорожникам изрядную сумму, чтобы ракетный состав не простаивал на станциях, а был доставлен на полигон экспрессом. Он прибыл на полигон в конце 1965 года. Там с 8К69 возились, как с новорожденным ребенком. Проверяли все конструкционные узлы и системы. Вдруг, во время транспортировки по железной дороге от удара при состыковке вагонов на ракете образовалась вмятина? Или в одном из электрических разъемов нарушилась пайка? Но могли быть и другие, более существенные причины для тревожений. Не исключено, что у «новорожденной машины» могли быть обнаружены на полигоне недоделки из-за неучтенностей каких либо моментов при проектировании «изделия». Не исключено – это не означает, что они произойдут. Но чем черт не шутит... Если они где-то и притаились, то их можно было бы обнаружить на полигоне при совместном функционировании всех систем ракеты в монтажно-испытательном корпусе (МИКе). Последнее место выявления недоделок – это стартовая позиция.

В середине декабря 1965 года «частично орбитальный бомбардировщик» был установлен на стартовой позиции в вертикальном положении. Снова были проведены проверки. Затем началась заправка ракетных баков ракетным топливом.

Как сообщили с полигона, без «неучтенности» в «частично орбитальном бомбардировщике» не обошлось. Она проявила свое коварство при заправке «машины». По технологии заправки горючее должно было поступать в бак, заполненный азотом. Но в магистрали поступления в бак азота обнаружилась его утечка. При ликвидации азотной утечки произошло срабатывание клапана магистрали горючего. Он открылся – и через него горючее пролилось на стартовый бетон. Начался пожар.

Ракетная техника – опасная штука. Особенно при испытаниях ракет, превращенных из задумок в металл. На то они и испытания, чтобы выявить все собственные «грехи» – проекторочные, конструкторские, заводские. Хорошо, что обошлось в декабре 1965 года без жертв. Да и при всех последующих испытаниях 8К69 человеческих жертв не было!

После доработки системы заправки «изделия» азотом продолжились испытания последующей ракеты в феврале 1966 года. Но они закончились на полигоне опять же с «вывихом». Был доработан и этот «вывих». В середине марта привезли на полигон очередную «машину». Ее готовили к пуску особенно тщательно. Но завершить ее подготовку к пуску до майских праздников не удалось. Работу прервали, испытатели вернулись в родные края. Прилетел и представитель нашего отдела Сережа Ясенев. Я стал расспрашивать его о полигоне, о МИКе и о многом другом.

Перед майскими праздниками начальник моего отдела Иосиф Менделевич Игдалов заявил на совещании в своем кабинете: «Ты, Станислав, горячий молодой специалист. Рвешься в бой! Ну что ж, твоя мечта может воплотиться в жизнь! После майских праздников на полигоне должен состояться пуск нашего «изделия». В нем будешь участвовать ты! Заменишь там Сергея Ясенева. Сережа провел там четыре первых месяца этого года. На своей шкуре ощутил все «прелести» полигонной жизни. В апреле подготовил «машину» к пуску. За что и получил добавочный коэффициент к зарплате. (за вредные условия работы на полигоне наша зарплата увеличивалась в соответствии с размерами вредности). Теперь просится дать возможность ему порадовать семью самим собой. А ты уже созрел для полигонной будней».

Праздничные дни пролетели удивительно быстро: первомайская демонстрация, чествование героев Великой отечественной войны, туристский поход за город...

10 мая 1966 года я собрал сумку, проверил паспорт, командировочное удостоверение, справку о допуске к секретным работам. Вечером побежал через Комсомольскую балку к Центральной проходной нашего ракетного завода, который в народе именовали автомобильным. Там уже собралась толпа. Удивился, неужели все уважающие себя специалисты КБ и завода собрались на полигон? Подошли автобусы. Но почему их так мало? Как же все собравшиеся смогут поместиться в них? Толпа начала штурмовать их. Я, опередив кое кого, протиснулся в автобус. Наши сотрудники стояли даже в проходе, тесно прижавшись друг к другу. Увидев, как я работаю локтями, закричали:

– Ты что, спешишь поперек батьки в казахстанское пекло? Ты, Стас, что, в первый раз летишь? Так тебе надо улепетывать домой, чаек попивать! Всех самолет не заберет. Улетят самые – самые нужные!

Я подумал: «Ох эта табель о рангах – кто нужен, кто нет! Авось прорвусь. Улечу даже в самолетном туалете!».

Была полночь, но в днепропетровском аэропорту чувствовалась нервная обстановка. Оказалось, что в АН-24 может разместиться не более сорока человек, а желающих более сотни. Каждый пытался доказать другим, что без него испытания сорвутся, что без него «машина» не взлетит! Наш стюард – бортпроводник Михаил Чекодаев пытался образумить толпу! Но она ни в какую! Прибыл технический руководитель испытаний Михаил Иванович Галась, стал зачитывать список вылетающих. Произнес мою фамилию и спросил:

– Это тот, кто вместо Ясенева? Ты у него узнал все особенности вашей совместной работы на полигоне?

– Он мне все рассказал.

– Проходи на посадку в самолет!

Я с гордым видом отошел к группе избранных.

Не включенные в список стали громко протестовать – если они улетят не сейчас, а следующим рейсом через пару дней, то испытания провалятся в тартарары!

Я стоял с видом отмеченного всевышним и наблюдал, как специалисты нашего ракетостроительного КБ рвутся на работу! Где это видно в капиталистических странах, там работники – это рабочее быдло, а у нас, в СССР, труд – это почетная обязанность!

Спецы метали громы и молнии, но меня это уже не касалось, ведь я ныне был привилегированной персоной!

Прорвавшиеся на летное поле пытались пробраться в АН-24 через грузовой люк. Они надеялись, что в полете, когда их обнаружат, не выбросят же за борт! Трое «заказчиков» (представители военного ведомства – военпреды) в офицерской форме (у нас в КБ они носили гражданскую одежду и тем самым не отличались от сотрудников КБ), размахивая бутылкой вина, попытались договориться с бортпроводником-стюардом Чекодаевым, чтобы спрятал их в туалете, но он был неумолим. Тогда они решились на отчаянный шаг. Подбежали к авиамотору АН-24 и стали удерживать его за лопасть. Кто-то из этой тройки закричал:

– Недоумки, без нас не улетите! Думаете без нас, военпредов, легко скроете свои огрехи? Все равно найдем!

И навалились на лопасть винта, чтобы с похмелья не свалиться на бетон. Галась появился на самолетном трапе:

– Если не дадите взлететь, пошлю с борта самолета радиограмму главкому ракетных войск стратегического назначения, чтобы уволил вас за безобразие! Немедленно отпустите лопасть винта!

В ответ закричали:

– Вы что, нам угрожать! Вчера праздник Победы был или не был?

– Вы записаны на второй рейс! Протрезвейте дома рассольчиком!

Двое отпустили лопасть. А третий, самый молодой с лейтенантскими погонами лег на шасси:

– Вы разрушаете семью! Я с молодой женой простился еще позавчера! Если к утру вернусь хмельной к жене, она меня выгонит и подаст на развод! Вы не имеете права разрушать семейный очаг!

Галась рассмеялся и рассмеялись все, кто был на летном поле:

– Михаил Иванович, заберите этого, непутевого ловеласа!

Любителя амурных походов втащили в «Аннушку». Она вырулила на взлетную полосу.

Вот таким был мой первый вылет на Байконур. В салоне «Аннушки» избранные раскрепостились. Кто достал из сумки сало, кто горилку. Позвали «зайцев» из хвостового отсека. Чекодаев заглянул в туалет. Там сном праведника спал лейтенант, скорее всего, впервые изменивший после свадьбы жене.

Еще раз поздравили мы – коллеги друг друга с прошедшим праздниками. В праздничное настроение вмешался Чекодаев:

– Не расслабляться! Кругом гроза! Циклон накрыл почти всю европейскую часть СССР! Будем прорываться в Азию по окраине циклона! По моей команде всем пристегивать ремни!

Я заглянул в иллюминатор. Над тучами висела Луна. Под нами тучи вспыхивали грозowymi разрядами. Самолет трясло, как будто мы ехали по булыжной мостовой. Чтобы успокоится, я вытащил из сумки книгу Льва Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь». Первая же страница захватила меня: «Еще на первом курсе истфака автору пришла в голову мысль заполнить лакуну во Всемирной истории, написав историю народов, живших между культурными регионами: Западной Европой, Ближним Востоком и Китаем (Дальнем Востоком), то есть в Великой Степи». От чтения оторвал энергичный голос Чекодаева:

– Пролетели Донецк, под нами Ростов, посадка в Минеральных Водах.

Над Минводами ветер с кавказских вершин разогнал облака. В лужах на асфальте отражались аэропортовские огни. Чекодаев заявил: «Экипаж далее не готов продолжать наш спецрейс пока над Каспием окончательно не прояснится. Всем покинуть салон».

Я вышел из здания аэропорта. В руках том Гумилева. На востоке заалела узкая полоска над горизонтом. В ту минуту мне показалось, что Великая Степь от устья Дуная и Карпат до Великой Китайской стены заключила меня в свои объятия. Свежий горный ветер с окраины Степи ворвался в мое тело. И мне представилось, как наши предки из Великой Степи проходят мимо меня чередой. Но фантазию прервал Чекодаев:

– Вот ты где спрятался! Ловишь рассветные мгновения! Я сам, будто древний язычник, готов возносить хвалу рассвету и богу Солнца Яриле. Но возможность такая выпадает редко. Не была бы гроза, не залетели бы мы на Кавказ, не появилась бы возможность любоваться рождением нашего светила!

А далее был полет через Каспийское море. Вслед за ним под крылом «Аннушки» распростерлось безлюдное пространство. В иллюминатор можно было разглядеть, как под нами в

важном спокойствии появлялись и исчезали белые пятна солончаков, их сменяли гряды желтых бугров. И вдруг в степи возникли скопления сайгаков. Кто-то из наших воскликнул:

– Эх, пальнуть бы из ружьишка?

2. Байконур встретил новичка космическим запуском

Минут через двадцать промелькнула, ослепляя солнечными брызгами, лента Сыр-Дарьи. «Аннушка» приземлилась в аэропорту Крайнем. Солдатики ворвались в салон вместе с потоком солнечного света. Быстрая проверка паспортов и командировочных удостоверений. И вот я ступил на ступеньку трапа.

– Так это и есть сердце Великой Степи? – успел вымолвить я, как меня обожгло ее дыхание. Как будто сорок доменных печей накинудись на меня и принялись выплавлять из моего организма все соки. Кто-то из встречавших нас военных, почувствовав мое состояние, поддержал меня:

– Прибывшие впервые в сердце Степи в середине мая, не редко теряют сознание. Но сегодня только тридцать восемь градусов по Цельсию. Совсем недавно отцвели тюльпаны. Будьте мужественным, настоящая жара еще впереди!

«Ну что ж, сам напросился в печь, надо привыкать к ее жару», – подумал я и поблагодарил поддерживавшего меня лейтенанта.

– Юрий Балакин, – представился он и протянул мне флягу с мутной жидкостью, – у нас везде такая вода. У нас все ее кипятят. В моей фляге она тоже кипяченая. Так что пейте, не бойтесь. Бациллы уничтожены. До сорок третьей площадки доберетесь в автобусе с помощью моей фляги, а там акклиматизируетесь.

– А как же вы?

– Я поеду вместе с вами, днепропетровцами. Буду вместе с вами готовить к старту вашу ракету как представитель одного из отделов управления штаба нашего полигона.

За окном автобуса мелькали удручающие километры за километрами. Картина не менялась – одна и та же желто-серая равнина. Полупустынная. Изредка появлялись безлистные кустики, за ними ровные, как столы, участки красной глины и снова серые былинки, опаленные солнцем.

Вдруг автобус остановился. Возле него появился военный патруль. Из автобуса выскочили наши сотрудники, стали возмущаться:

– Зачем остановили? Неужели на тридцать первой площадке работа? Так мы поворачиваем направо, на сорок третью. До нее километров пять. Успеем доехать до гостиницы.

– У нас приказ никого не пропускать и на тридцать первую, и на сорок третью. Все население этих площадок уже эвакуировано. Оставайтесь здесь до особого указания.

– А когда поступит это особое указание? – спросили мои коллеги – «промышленники» офицера с красной повязкой.

– Нам не докладывают. Когда улетит, тогда и поедете.

– О чем не докладывают? – спросил я одного из наших сотрудников Эдуарда Компанийца. – Что улетит?

– Стас, да ты первый раз на полигоне? Смотри вперед и примечай. Видишь на возвышении желто-красные строения? Это площадка 32 – монтажно-испытательная, чуть левее площадка 31 – стартовая. К ним уходит шоссе. На нашу 43-я от шоссе ответвление вправо. Туда мы и направляемся. Но ты нацель свой взор на 31-ую. Увидишь что-то необыкновенное.

Прошли минут двадцать ожидания. С непривычки в горле пересохло, мучила жажда. Но я не отводил глаз и от 31-ой, и от 32-й площадок, расположившихся километрах в двух на пригорке. Что за диковинка покажется оттуда?

И вдруг из-за 31-ой неожиданно вынырнула звездочка и понеслась в знойном белесом небе в сторону 43-ей площадки. И сразу же грохот сотряс и степь, и автобус, и мои барабанные перепонки.

– Что это? – спросил я Эдика.

Тот улыбнулся:

– Полигон приветствует тебя ракетным запуском! Это же королевская «семерка». Может быть, мы присутствуем при выведении на орбиту космонавта! Потерпи до гостиницы. Там все узнаем...

43-я площадка оказалась небольшим поселком – несколько гостиниц, общежития для офицеров и работников столовых, столовые, солдатские казармы, котельная, железнодорожная станция, которой заканчивался более чем шестидесятикилометровый железнодорожный путь от штабного городка и ответвления от станции Тюра-Там, находившейся на железнодорожной магистрали Москва – Ташкент и Алма-Ата.

Как только были распределены номера в гостинице под громким названием «Люкс», прилетевшие были вызваны на совещание на площадку 42. Небольшое двухэтажное здание, где размещался штаб нашей воинской части 14333, было более чем скромным. Удивляли лишь несколько молодых тополей по его периметру. На втором этаже был кабинет с табличкой на двери «Главный конструктор М.К. Янгель». Кабинет тоже не отличался помпезностью – сугубо рабочая комната. В ней собрались наши кабэвцы, заводчане, представители смежных организаций, прилетевшие из разных городов СССР. Совещание открыл технический руководитель испытаний 8К69 Михаил Иванович Галась:

– Прежде всего давайте поздравим королевцев с успешным выведением на околоземную орбиту нового космического аппарата. Свидетелями этого очередного космического успеха страны были все мы, здесь собравшиеся. Среди нас находится тот, кто впервые прилетел на полигон, – Михаил Иванович указал на меня, – новичок на полигоне да еще и с успешным космическим запуском – это хороший признак для всех нас. Будем надеяться, что и наша ракета будет успешно отработана и займет достойное место в деле защиты отечества. Пожелаем дальнейших успехов королевцам. А теперь за работу. У кого есть вопросы?

Поднялся заместитель Галасы по испытаниям 8К69 Михальцов:

– График продолжения работ после праздников был согласован еще в конце апреля. Есть ли у наших смежников дополнения к графику?

– Вроде бы мы отработали на полигоне почти все еще до майских торжеств. Не только отработали, но и каждый прибор и узел прощупали. Непременно мы должны на этом пуске доказать, что наше «изделие» работоспособно, – эти слова представителя харьковского КБ Электроприборостроения Леонтия Михайловича Бондаренко вызвали одобрение у всех.

3. Каким прекрасным был старт и полет моей первой ракеты!

Ракету вывезли из монтажно-испытательного корпуса на наземный старт, установили в вертикальное положение. Она прекрасно просматривалась даже с расстояния в десяток километров – белая «стрела» вонзилась в небо! Проверки нашего «изделия» в вертикальном положении подтвердили его готовность к запуску. Он должен был состояться после полуночи.

– Почему выбрано именно это время? – спросил я у Компанийца. И получил исчерпывающий профессиональный ответ:

– В этом пуске мы должны подтвердить работоспособность всех систем нашего «изделия». Для этого вовсе не обязательно, чтобы оно обогнуло нашу планету и попало в свой собственный старт. По составленной нашим баллистическим отделом программе наш космический аппарат должен выйти на орбиту и тут же затормозиться, чтобы попасть в цель на Камчатском полигоне.

– Чтобы не поднимать лишнего шума за рубежом? – попытался я понять намерения наших баллистиков.

– Конечно, американцы поднимут шум, если засекут своими локаторами нашу головную часть на орбите. Но этого не произойдет, так как мы решили, чтобы при этом запуске наша ракета находилась на орбите только над Советским Союзом. То есть укоротили орбиту и стреляем всего лишь на Камчатку, – Эдик посмотрел на часы, – уже полночь, пора выходить из гостиницы на степной простор.

Белая «стрела», освещенная прожекторами, великолепно смотрелась на фоне звезд. Мы сверили часы. Эдик воскликнул:

– Пуск!

И через мгновение «стрела» исчезла в клубах дыма. Я успел лишь произнести:

Неужели снова авария! – как из черных клубов дыма вынырнула белая стрела с огненным факелом, прочертила ночное небо и превратилась в звезду. Мы помчались на рядом находившийся ИП. У меня колотилось сердце, а в голове было одно родившееся в этот миг заклинание:

– Лети, лети родимая без сучка и задоринки!

На Измерительном Пункте (ИПе) из динамика звучало: «Полет первой ступени – нормальный, двигатели работают устойчиво, программа тангажа отработана нормально, есть разделение ступеней, двигатели второй ступени работают нормально, норма, норма, норма...». Как это было приятно слышать! Осталось дожидаться сообщения с Камчатки, подтверждающее, что там зарегистрировали попадание нашей боевой головной части в цель.

На ИПе заседала Государственная Комиссия. В том же помещении находились почти все испытатели. Все замерли в ожидании сообщения с Камчатского полигона «Кура». Но сведений с Камчатки не поступало! Прошел час, другой. Председатель Государственной Комиссии заместитель начальника Военной Академии имени Ф.Э. Дзержинского генерал-лейтенант Ф.П. Тонких заявил:

– На этот раз все сложилось, как будто, удачно. Ступени отработали успешно. Плохо, что нет сообщений с «Куры». Но там на границе с Чукоткой свои трудности: погода неустойчивая и многое другое. Объявляю перерыв. Следующее заседание госкомиссии состоится на «десятке» в 11 часов утра. За остаток ночи и утром отдел анализа штаба уточнит по в-ч связи все, что наблюдалось на «Куре» и, конечно, доложит отклонения головной части от цели. До 11 часов все свободны.

На ИПе я разыскал лейтенанта Балакина, пригласил его в гостиницу «Люкс» отметить успех. Он отказался:

– Мне надо работать с Камчаткой! Странно, что они не прислали сообщения...

Его словам я не придал значения и побежал в «Люкс». Он «гудел», как радостный улей. Пили за удачу, за то, чтобы и последующие пуски были такими же успешными, за здоровье всех окружающих, за тех, кто не с нами.

Меня поздравляли: ты новичок на полигоне, ты принес нам удачу! Праздничное настроение требовало еще чего-то особенного.

Наша молодежная компания из разных организаций – Днепропетровска, Харькова, Москвы, Ленинграда решила встретить рассвет в Великой Степи. Солнце нового дня вышло из-за дальних лысых бугров. Его появление приветствовали радостным свистом многочисленных сусликов, выбежавшие из своих многочисленных нор... Нам было радостно, весело, непринужденно...

В восемь утра автобусы, «газики» и «Волги» увезли создателей «частично орбитального бомбардировщика» за шестьдесят километров в город, где разместился штаб полигона, его многочисленные подразделения, жилые кварталы, школы, филиал Московского авиационного института, гостиницы, рестораны, столовые, универсам, магазины... И все это называлось «десятой площадкой».

При въезде в город над контрольно-пропускным пунктом высилась гордая надпись – «Звездоград»! Миновали ее как-то обыденно, без торжественных восклицаний. Но сердце мое трепетало от гордости за причастность к великим космическим свершениям.

В штабе полигона наше праздничное настроение отступило на второй план. Вызвала удивление задержка открытия заседания Государственной Комиссии. Ее председатель генерал – лейтенант Ф.П. Тонких не выходил из отведенной для него комнаты. Вызывал к себе по очереди руководителей бригад испытателей из организаций, создавших 8К69. Долго беседовал в тайне от остальных с Галасем и его заместителем Михальцовым, а потом с харьковчанином Бондаренко. Был уже час дня, а заседание еще не начиналось. Наконец-то в зал вышли насупившийся Федор Петрович и такой же непроницаемый начальник штабного отдела анализа испытаний ракет. Федор Петрович обвел взглядом притихших участников заседания, произнес:

– Испытания «машины» 8К69 далеки от завершения. Они сталкиваются с некоторыми особенностями, которые предстоит нам понять. И все же хочу отметить, что рассвет в конце туннеля замаячил.

Далее он предоставил слово с докладом о результатах последнего запуска начальнику отдела анализа полковнику Кауфману. Из его доклада можно было понять, что задачи, поставленные перед последним запуском, в общем выполнены, доказано, что принципиальные решения, положенные в основу разработки «машины», верны – двигатели первой и второй ступни показали свою работоспособность, система управления первой и второй ступени функционировала без перебоев, рулевые двигатели обеспечили разворот ракеты по тангажу, разделение первой и второй ступеней и отделение третьей ступени прошли во время и т. д. и т. д.

Зал возликовал! Пожатия рук, улыбки. Я увидел Юрия Балакина? Подошел к нему:

– Юра, все ликуют, а почему и ты, и генерал очень даже озабоченные. Генерал как-то загадочно, неоднозначно оценил наш запуск. Почему он не поздравил всех нас – испытателей с успехом?

Юра тактично ответил:

– Вопрос задан не по адресу. Я всего лишь лейтенант, и даже не старший лейтенант, не говоря к тому же о генеральском звании.

– Юра, но ты же верный помощник генерала, ты же из отдела анализа, приложил руку к написанию доклада своего начальника. Не может быть, чтобы у Федора Петровича не возникло что-то, что нас, «промышленников», заставляет насторожиться.

– Есть небольшая проблемка...

– Которая может вырасти в гигантскую?

- Еще раз предупреждаю – я всего лишь лейтенант.
- Не скромничай, Юра. Здесь, на полигоне у тебя великое будущее (как ни выглядели мои слова подхалимажем, но я не ошибся, через тридцать лет он стал генералом).

4. Как гром среди ясного неба

Наш разговор прервал Михальцов:

– Прошу прощения. Стас, выйдем в коридор.

Там он огорошил меня:

– Необходимо съездить на старт. Надо кое в чем разобраться!

– В чем, Алексей Андреевич? Что стряслось? Вроде бы из доклада можно понять, что для волнений нет причин? Или враги постарались влить ложку дегтя в наш успех?

– Рано еще бежать в ресторан, обмывать удачу! До праздника еще далеко. Поехали. «Волга» уже подана!

Шестьдесят километров пронеслись, как одно мгновение. Всю дорогу Михальцов молчал. Я же решил не торопить события расспросами, ведь была же какая-то веская причина, заставившая Алексея Андреевича покинуть штаб полигона и мчаться вместе со мной на отработанный прошедшей ночью старт.

На стартовой площадке было пустынно. Ничего не говорило о ночной феерии. Солдатик-контролер проверил наши пропуска, открыл стальную дверь бункера. Мы прошли по коридору, остановились перед дверью комнаты, где размещалась аппаратура для набора полетного задания и ввода его в ракету. Дверь была опечатана. Я сразу же обратил внимание на дату опечатывания – свежая. Михальцов произнес:

– Печать моя. Опечатал сразу же после старта «машины», чтобы никто не смог изменить что либо в аппаратуре после старта.

– В чем проблема, Алексей Андреевич? Неужели есть сомнения в нашем запуске? Все же была ложка дегтя?

– Стас, возможно и была! Ее надо найти, понять и ликвидировать. Поэтому мы с тобой и стоим перед этой дверью.

Михальцов открыл дверь. Подошли к стойке с аппаратурой. Она тоже была опечатана. Но дата на этой печати была иная – «26 апреля 1966 года». Михальцов задумался:

– Судя по дате опечатывания после 26 апреля к аппаратуре с введенным полетным заданием никто не прикасался и его не корректировал. Так почему же мы не попали на Камчатку? Все системы сработали безукоризненно! Но куда же мы попали? Ведь на Камчатке воронки от нашей боевой части нет!

– Как это? – меня начал бить озноб, затем бросило в жар. – А где она оказалась?

– По данным камчатского ИПа и предположениям нашего баллистика Компанийца мы перелетели Камчатку и даже Тихий океан.

– За Тихим океаном – Америка! Так мы, значит, могли обстрелять Соединенные Штаты Америки? Алексей Андреевич, что же теперь делать? Нас арестует КГБ, как врагов Родины, и расстреляет?

Я схватился за голову!

– Стас! Еще хуже! Мы вляпались в международный скандал! Нашего расстрела требуют США!

– А если по требованию американцев нас не расстреляют, то начнется третья мировая война? – мои поджилки затряслись, выступил пот, ноги набухли и превратились в неподвижные слоновьи тумбы. Мне стало так жалко себя – такой молодой, еще не видел жизни, а меня или отправят по этапу, или пуля в лоб, а еще хуже в затылок! Конечно, «замочат» не только меня, но и всех причастных к пуску «частично орбитального бомбардировщика». Язык не поворачивался, но я все же вымолвил:

– Что делать, Алексей Андреевич? Расстрел то обеспечен?

– Зачем же паниковать. Надо разобраться, как это мог произойти несанкционированный перелет третьей ступени через Тихий океан? И куда она попала – в океан или в острова? Хотя если и в океан, все равно греха не оберешься.

После этих слов у меня отвисла челюсть. За ними последовало еще более умопомрачительное:

– Есть предположение, что наша «головка» подняла фонтан брызг на одном из пляжей Гавайских островов!

– Но ведь Гавайи – пятидесятый штат Америки! Гавайские острова – вулканические. Если наша головная часть попала в один из вулканов, то он начал извергаться? Выходит из-за меня погибли люди? Из-за меня!

– Не паникуй! Отправиться на виселицу всегда успеем!!! Давай без паники разберемся, по какой причине мы оказались преступниками? Я предполагаю, что на старте в ракету ввели одно полетное задание, а ее бортовые приборы были рассчитаны на другие.

Для читателей эта версия – заумная, она требует пояснения. Сегодня она секретности не представляет. Однако пояснение произойдет позже. А сейчас продолжим повествование.

5. Когда же меня расстреляют?

Вы когда либо находились в той ситуации, что случилась со мной? Не желаю вам подобного! Но ведь в этой ситуации оказался не я один! Мои коллеги, все наше КБ, все наши смежники, военные представители, министерство обороны и даже... Одним словом, вся страна! Все из-за одного разгильдяя! Но она об этом еще не знала! Пусть об этом она узнает сегодня, то есть полвека спустя!

– Алексей Андреевич, родненький, но ведь формирование полетного задания и его ввод в ракету происходили еще до майских праздников! Им занималось много специалистов! В то время я еще упрашивал руководство выпустить меня на полигон.

– Все это я знаю, поэтому и говорю с тобой здесь, в бункере, без свидетелей. Учту, чтобы вышел из тебя настоящий испытатель ракет. В нашем деле нет мелочей. Каждый недосмотр может обернуться трагедией! После майских праздников комиссия по вводу полетного задания должна была вторично проверить не только то, что было введено ранее, но и соответствие полетного задания серии приборов. Проверкой ввода полетного задания в ракету должны были заниматься семеро: ты, как представитель кураторского отдела по системе управления, я, как заместитель технического руководителя испытаниями, создатели системы управления из Харькова, разработчики командных приборов из Москвы, представители заказчика, то есть министерства обороны, ведущий НИИ-4 министерства обороны, отдел анализа штаба полигона. Они, конечно, упустили из виду, что у нашей ракеты есть очень маленькая особенность... Ты еще цыпленок в среде испытателей. Но надеюсь, что после всего случившегося из тебя вырастит настоящий боевой петух!

– Так что же теперь делать? Всех нас расстреляют?

– Да, ситуация непростая, есть над чем поразмыслить.

Со старта возвращались молча. Да и о чем говорить, если и так все ясно: я сотворил международный скандал. Неужели на носу третья мировая бойня? Перед гостиницей меня хватил озноб, стала бить дрожь.

– Алексей Андреевич, скажите, за мной скоро придут?

– Не буди лихо, пока оно тихо...

...Из Днепропетровска по вч-связи меня срочно вызвал Игдалов:

– Станислав! – далее последовали матюки, а после них обычная речь, – Крепись, Стас! В замазке оказались не только мы с тобой! А еще пол дюжины организаций. Михальцов оказался прав. Харьковчане сварганили такую систему управления, что нужна поллитра, чтобы усвоить все ее тонкости. Ты должен проникнуть в суть «поллитры»! Отследи все действия харьковчан! Чтобы они не свалили всю вину на нас.

– Иосиф Менделевич, госкомиссия пришла к выводу – испытания «машины» 8К69 далеки от завершения. Они сталкиваются с некоторыми особенностями, которые предстоит понять. Тонких заявил, что рассвет в конце туннеля все же замаячил.

– Рассвет рассветом, но ты, Стас, молись, чтобы мы с тобой не вляпались в международный скандал! Нынче это самое главное. Если США предъявят нам через МИД ноту о нарушении нами американской границы, то начнутся поиски виновных. Вот тогда...

– А если вляпаемся, то нас расстреляют?

– Мудак ты, Стас! У тебя уже поджилки затряслись! Возьми себя в руки и наматывай на ус. Безвыходных положений нет. Вернешься, я устрою для тебя ликбез.

...Полет с полигона домой был, мрачнее не придумаешь. В Днепропетровске Иосиф Менделевич Игдалов вызвал в свой кабинет Сергея Ясенева и меня и заявил:

– Пуск породил проблему – столь же необычную, как и тривиальную. С одной стороны причина, ее породившая, понятна безо всяких сверх научных изысканий. Ликвидация ее – это

строжайший контроль за соответствием серии приборов и полетного задания на всех этапах: в сборочном цехе, в МИКе, на старте. Но мы оказались завязанными с США. Один из наших сотрудников и мы вместе с ним обстреляли Гавайские острова! То есть обстреляли нашего могучего соперника. Что будем делать? Пойдем сдаваться кагэбистам? Но они тоже в замаске! Также как и военные специалисты – ракетчики. В замаске все, причастные к формированию программы полета ракеты.

Обратился ко мне:

: – Стас, ты уяснил, почему обстрелял Соединенные Штаты Америки?

– Из-за серийности аналоговых автомата дальности и автомата кажущейся скорости (цифровых автоматов дальности и кажущейся скорости в то время еще не изобрели – С. А.). В приборах харьковчанам удалось прошить всего четыре программы полета ракеты. Они пронумерованы по порядку – 1, 2, 3, 4. Перед запуском ракеты для поражения ею конкретной цели в полетном задании выбирается из автомата дальности и автомата кажущейся скорости одна из четырех программ, соответствующая этой цели. Все было бы так просто, если бы были всего четыре цели. И надо было бы выбрать одну из четырех. Но... Ведь целей для разных стратегических потребностей можно было бы придумать в Генеральном штабе превеликое множество! Чтобы удовлетворить все стратегические потребности, пришлось их разделить на серии по четыре штуке в каждой. Поэтому и возникли автоматы дальности и кажущейся скорости одной конструкции, но разной серии.

– Верно мыслишь. Не простую схему заложили в систему управления наши друзья харьковчане. Если поставить на ракету автоматы дальности и кажущейся скорости одной серии, а ввести полетное задание из другой серии, то что получится?

– Ракета сработает по номеру программы, например, «3», заложенном в полетном задании ракеты. Но сама программа полета не будет соответствовать полетному заданию, потому что автоматы дальности и кажущейся скорости были установлены в ракете другой серии.

– И что произойдет?

– Ракета выполнит полетное задание, но по другой программе. То есть в нашем случае ошибочно были поставлены автоматы дальности и кажущейся скорости, настроенные на обстрел пятидесятого штата.

– Какие выводы?

– Проверять, на ракете установлен ли автомат дальности необходимой серии!

– Вот этим ты и будешь заниматься на всех этапах работы с ракетой! Конечно, кроме твоих основных обязанностей! Этим же будут заниматься наши заводчане, харьковчане, военпреды, отдел анализа полигона. Но уже случилось, что у семи нянек дитя оказалось без глазу! Но основная ответственность лежит на тебе! А сейчас марш в сборочный цех! Сверь документацию на ракету с документацией на устанавливаемый в приборный отсек автомат дальности. Зарубил на носу! По указанию Янгеля следующую ракету будет отрабатывать на полигоне та же команда. Она уже набралась необходимого опыта на Гавайских островах. А теперь позволь дать тебе напутствие. Если и в этот раз ты обстреляешь Соединенные Штаты Америки, то в моем кабинете меня расстреляют, как первого мудака в СССР. Но перед этим я все же тебе оторву твои яйца, то есть твою мужскую гордость!

Сереза Яснев, вздохнув, спросил:

– А какова реакция Янгеля? Ведь он мог из-за произошедшего приказать нас уволить?

Иосиф Менделевич, окинув нас своим могучим взором, произнес неожиданное:

– Его позиция такова. И я с ним согласен! Мы должны придерживаться позиции, занятой Государственной комиссией. Нельзя посыпать себя пеплом и рыдать. Мы должны на всех инстанциях показать, что этим пуском доказали работоспособность нашей ракеты. Ее перелет случайный! Госкомиссия дала поручение разработчику приборов разобраться в случайности перелета. Всем причастным к случившемуся организациям приказано ему помогать. То есть

и нам. Для себя мы уже сделали выводы: тщательно контролировать все, связанное с обеспечением программы полета ракеты: составление программы, серийность приборов на борту ракеты, их соответствие полетному заданию. Контролировать наших коллег из смежных организаций. Отныне в этом твоя основная обязанность на полигоне, Станислав Иванович! Три шкуры буду с тебя драть, если упустишь что либо! Теперь ты наш главный представитель на полигоне по этой теме! Сергею Борисовичу поручается другая тема, такая же ответственная. И еще указание Янгеля: никому ни слова о случившемся! Это и распоряжение Госкомиссии! Дальнейший ход событий на международной арене будет зависеть от американцев. Как и все, завязанные в этой непреднамеренной «ядерной истории», мы должны отследить их поведение. Поднимут американцы международный скандал, вот тогда нашему министерству иностранных дел придется взять нас за грудки. Начнется расследование, поиск «стрелочника». Но пока будем придерживаться правил поведения, предложенных госкомиссией и Янгелем.

6. Вызов в Москву на расстрел?

Шли дни. Харьковские прибористы без лишнего шума составляли документ о перелете. Не горели желанием высветиться штабисты полигона, не паниковали в НИИ-4 министерства обороны, молчало министерство иностранных дел. Радиостанции «Голос Америка», «Би-Би-СИ», «Свобода» как будто набрали в рот воды.

В один из дней пришло секретное приказание из нашего министерства: срочно прибыть в Москву специалистам из нашего КБ, а особенно бригаде испытателей 8К69!

«Ну все! Закончилась моя земная жизнь!» – подумал я и стал собирать пожитки.

В Москве, в главном институте нашего ракетного министерства общего машиностроения ЦНИИМАШе на нашу группу глянули и улыбнулись:

– Коллеги, почему вы такие мрачные? Мы вас срочно вызвали не на расстрел! А для тщательного осмотра и анализа обломков американской стратегической ракеты. Она при запуске на мысе Канаверал потеряла управляемость и вместо Атлантического океана рухнула на Кубу. Фидель Кастро подарил американские ракетные обломки СССР.

Узнав об этом, мы, причастные к Гавайям, поняли: квиты! Мы – американцев, они – нас! В результате – паритет.

Тем временем очередная наша стратегическая орбитальная «машина» была подготовлена к отправке на полигон. Мне пришлось досконально изучить формуляры на приборы, установленные на ней, самому убедиться в приборном отсеке в соответствии приборов их формулярам. Обзвонил смежников – готовы к работе на полигоне? Из Москвы и Харькова ответили: выписываем командировки!

Перед вылетом меня вызвал Игдалов. Иосиф Менделевич удалил из кабинета присутствовавших. Мы остались вдвоем.

– Стас! На полигон полетишь ты! Таков приказ Янгеля: запустить и эту орбиталку должна команда, работавшая с майской «машиной», – начал он «тронную речь». Но после этих приятных реабилитационных слов посыпались матюки.

После грозного монолога послал меня в ... цех!

– Еще раз пока еще не задраили люки залезь в приборный отсек, сверь номера приборов с формулярами и полетным заданием!

– Я это уже сделал, Иосиф Менделевич!

– Еще раз проверь, (далее следовали матюки). А если за ночь кто-то поменял приборы! Ночью шли испытания! На полигоне следи за приборами и днем, и ночью! «Машина» должна попасть в камчатский кол! (Следует пояснить – точка прицеливания на камчатском полигоне «Кура» была не символической, а реальной. Например, одинокая на болоте чахлая лиственница, игравшая роль забитого в землю кола).

И эмоционально добавил:

– Если и на этот раз устроим метеорный праздник на Гавайских островах, то крутых мер не избежать, но прежде я тебе яйца все же оторву!

Далее были полет по Великой Степи на этот раз без грозового циклона, янтарная лента Сыр-Дарьи, аэропорт Крайний, уже знакомое шоссе к 43-ей площадке.

После обеда возобновила работу Государственная комиссия, на этот раз в монтажно-испытательном сооружении площадки 42. Генерал-лейтенант Ф.П. Тонких обвел прилетевших грозным взглядом:

– Предыдущий пуск был признан выполнившим намеченные задачи. Поздравляю Вас с такой оценкой нашей совместной работы. Но была «заковыка». Причины ее выясняли в организациях Харькова, Днепропетровска и в других. Кто доложит о проделанной работе? Пред-

ставитель главного конструкторского бюро – разработчика ракетного комплекса или главный конструктор системы управления?

К столу Госкомиссии подошел только что прилетевший из Харькова главный конструктор системы управления В.Г. Сергеев:

– Аппаратура прошла дополнительные проверки на стенде в Харькове. Результаты положительные. Анализ документации показал, что необходимо строго придерживаться инструкций в работе с аппаратурой. Специалисты еще раз прошли инструктаж.

– Что скажет представитель КБ Янгеля?

Михаил Иванович Галась был также краток:

– Ракетный комплекс прошел на заводе все необходимые испытания с положительными результатами. На технической позиции введен дополнительный контроль за вводом полетного задания. При положительных проверках на технической позиции и на старте наше КБ рекомендует идти на пуск!

И снова наша бригада испытателей закрутилась в предстартовом вихре. Михальцов и я раз десять проверили соответствие приборов формулярам и полетному заданию. Комиссия по проверке ввода полетного задания на борт ракеты собралась в пристартовом сооружении. В нее вошли представители пяти организаций и плюс военные из штаба полигона. Два десятка пар глаз наблюдали, как лейтенант из стартового расчета вставлял серебряные протертые спиртом штырки в гнезда устройства для ввода полетного задания.

И снова ночь, огонь, расколовший ночную темень, баритон из динамика командной связи:

– Полет устойчивый, двигатели работают устойчиво. Есть отделение орбитальной ступени!

Через полтора часа было получено сообщение с камчатского полигона «Кура»:

– Головная часть пришла в заданный квадрат!

Наконец-то, мы победили! Еще раз надо подтвердить этот успех, а затем следующие стрельбы, но уже вокруг Земного шара!

Глава II. Как наши деды приближали победу

1. У нас на Байконуре 22 июня было днем памяти и скорби

Если наша бригада ракетостроителей находилась в июне на полигоне для испытаний новейших баллистических межконтинентальных стратегических ракет, то каждый раз, когда наступал день 22 июня, прекращала, как и весь полигон, работу и вспоминала начало второй Великой Отечественной войны. Мы выезжали с площадки для испытаний на «десятку» – так назывался тогда секретный жилой городок ракетного полигона в/ч 11284. После запуска космонавтов в/ч 11284 получило открытое название «космодром Байконур».

Для нас сдвигали столы в ресторане «Центральный». Первой рюмкой мы поминали тех, кто погиб в тот день в 1941 году во время нападения на СССР фашистской Германии. Наши руководители были участниками войны, а мы – молодые специалисты – тоже не остались от нее в стороне. Наши детские годы пришлось на военную пору.

И каждый раз за поминальным столом каждый из нас рассказывал о своих военных переживаниях. До сих пор удивляемся, как нашим матерям (отцы воевали) удалось сохранить нас в условиях голода, всеобщей паники, бомбежек, артобстрелов.

Так уж распорядилась судьба, что в нашей бригаде испытателей ракет сошлись два земляка – сталинградца. В 1941 году начальнику группы из отдела испытания ракет нашего ракетно-космического ОКБ-586 Борису Ивановичу Горину было двенадцать лет, а мне – старшему инженеру из проектного отдела на семь лет меньше.

22 июня 1941 года мне до пятилетия оставалось не более трех месяцев. В те далекие июньские дни я многого не понимал. Но через год пришло осознание беды, накрывшей страну. До сих пор передо мной не исчезают ужасные картины пожаров в нашем сталинградском поселке Михайловка, что приютился возле станции Себряково на железнодорожной магистрали Москва – Сталинград. Сталинградская битва отразилась и на наших с Борей нервах.

...Называлась речка возле нашего поселка «Медведицей». Впадала она в Дон. Берега у нее были лесными. На Сталинградской земле их можно найти только по речным поймам и холмистым грядам между речками Хопер и Медведица. О медведях в наших краях сохранились лишь предания. В наше время Медведицкие холмистые возвышенности стали знаменитыми из-за того, что уфологи обнаружили над ними скопления неопознанных летающих объектов...

...Над рекой вознеслись фермы железнодорожного моста. В небе над нами появилась черная точка. Она выросла до облачка. Папа воскликнул: «Видите черное облачко, так это же фашистский самолет. Если он сбросит бомбу, то бомбардировщик, если пролетит мимо, то это разведчик». Папа был в военной форме, на поясе кобура, в ней пистолет. Папа вынул из кобуры пистолет, прицелился, но не выстрелил: «Высоко летит, гад, не достать!».

С первых дней войны папу мобилизовали и отправили в полк связи НКВД готовить военных чекистов – связистов. Папа в тридцатые годы окончил Одесский техникум связи и был распределен в Михайловку начальником почты и отделения связи при ней. 28 июня 1941 года папа был мобилизован и отправлен Сталинградский полк связи при НКВД. Но перед майскими праздниками сорок второго года полк связи перевели из Сталинграда на Кавказ. Папа приехал в Михайловку на пару дней перед отправкой в Тбилиси. Маме он сказал, что его начальство, имеющее прямые связи с высшим руководством, получило сведения, что летом 1942 года Гитлер поперет на Москву, а начальство пониже не исключает, что основной целью Гитлера будет Кавказ с его нефтяными промыслами. Тогда Сталинград останется в стороне от боевых действий. Вот так произошло раздвоение генеральной линии партии.

Поэтому полк перевели поближе к нефтяным промыслам в Закавказье.

Папа удивился появлению самолета-разведчика над станцией Себряково.

– Надо срочно сообщить о фашистском авиаразведчике руководству, – сказал папа маме и умчался догонять свой полк.

Боря Горин в это время вместе с классом выскочил из школы. Всем классом ребяташки с интересом разглядывали в небе силуэт самолета с крестами...

Тогда мы не знали, что с начала 1942 года в СССР готовилась секретная военная операция. Она была задумана для того, чтобы через Харьков и Запорожье выйти к Азовскому морю и устроить тем самым для гитлеровцев «котел» на юго-востоке Украины, в Донбассе. Кто бы мог даже предполагать тогда, что эта операция с особой трагической силой отразится на нас – сталинградцах...

2. Фашистский «котел» под Харьковом для Красной армии в 1942 году

После провала в 1941 году фашистского «блицкрига» под Москвой главнокомандующий Сталин поставил перед советскими военачальниками задачу – разгромить фашистские войска в 1942 году. Генеральный штаб тут же разработал грандиозный план уничтожения гитлеровских войск (книга В. Абатурова, Р. Португальского «Харьков – проклятое место Красной Армии», Москва, издательство «Эксмо», 2008 год). Штабисты считали, что если враг был разгромлен осенью 1941 году под Москвой и был освобожден Ростов-на-Дону, то его силы на исходе. Поэтому врага необходимо добить, а для этого необходимо расколоть немецкие войска на Украине, нанеся удар по ним юго-восточнее Харькова. Овладев железнодорожными станциями Лозовая и Барвенково, перерезать железнодорожные магистрали в Крым и Донбасс. Затем освободить Запорожье и выйти к Азовскому морю. Таким образом, вся донбасская миллионная группа фашистских войск будет зажата в «котел» и будет уничтожена. Танковая армия фон Клейста, изгнанная из Ростова-на-Дону на реку Миусс, вынуждена будет покинуть миусский рубеж и оказаться в донбасском «котле».

А что задумал Гитлер? Из книги «Харьков – проклятое место...»: «В беседе с японским послом Осимой 3 января 1942 года Гитлер заявил: «Советы уже в следующее лето будут разгромлены... Я намереваюсь пока в центральном фронте не проводить наступательных операций. Моей целью будет наступление на южном фронте. Я решил, как только улучшится погода, снова предпринять удар в направлении Кавказа. Это направление важнейшее. Нужно выйти к нефти».

Из беседы Гитлера с главой Румынии Антонеску: советы «потеряли самых лучших солдат и технику, а теперь они только импровизируют» (из той же книги).

Из приведенного можно сделать вывод, что главы двух противоборствующих государств были высокого мнения о своих вооруженных силах и недооценивали противника.

Операцию на юго-востоке от Харькова возглавили командующий фронтом маршал Семен Тимошенко и член Военного совета фронта Никита Хрущев. Их предупреждали некоторые командиры соединений о поспешности и неподготовленности наших войск к такой грандиозной задумке. Например, командарм 57-ой армии генерал К.П. Подлас. Он высказал мнение, что в битве под Москвой израсходованы огромные силы и средства, не мешало бы перед операцией их восстановить, иначе решение начинать операцию в январе 1942 года будет выглядеть шапкозакидательством. Генштаб проигнорировал такое мнение.

Немецкими армиями в Харькове командовал генерал-полковник Фридрих Паулюс. Часть танковых соединений генерал-полковника Эвальда фон Клейста находилась юго-восточнее Харькова.

Начинался новый поединок командующих – советских и германских. Следующий произойдет между ними в Сталинграде и на Кавказе.

Операция началась 18 января 1942 года. Наши войска пробили брешь в немецкой линии фронта и рванулись к Лозовой и Барвенково, взяли их предместья. Образовалась на территории, занятой противником, брешь длиной почти в сто километров. Но немцы стали атаковать наши войска не в лоб, а с флангов, чтобы их зажать. На подмогу атакующим Паулюс выслал из Харькова танковые соединения, Клейст – часть танков из Миусского укрепвала. У Тимошенко и Хрущева для ликвидации их атак сил не хватило. Ставка Верховного Главнокомандования не могла помочь в достаточной степени, ибо только начала предпринимать меры для возобновления утраченных военных сил и средств в битве под Москвой.

Тимошенко-хрущевская операция растянулась почти на пять месяцев и закончилась в конце мая 1942 года катастрофой. Вместо того, чтобы выйти к Азовскому морю и тем самым

создать «котел» для почти миллионной фашистской армии в Донбассе, Тимошенко и Хрущев сами оказались под Харьковом в «котле», не имея сил противостоять гитлеровцам. В плен попали 220 тысяч наших красноармейцев. Победу праздновали Паулюс и Клейст. Тимошенко выбрался из котла через линию фронта, используя овраги. Хрущев покинул позиции заранее по причине вызова в Генштаб. Сталин тогда заявил горе-военачальникам Тимошенко и Хрущеву: «Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе, которую пережил фронт, то я боюсь, что с вами поступили бы очень круто...».

Гитлер был рад успехам своих войск под Харьковом. У него появилась возможность реализовать свою идею о захвате Сталинграда, перерезать путь доставки кавказской нефти в центр СССР по Волге и подчинить себе Кавказ с его нефтяными промыслами.

3. В детстве была война

...Бомбы рвались и на станции, и в поселке. Вражеские самолеты пикировали на скопления составов с красноармейцами, на платформы с танками, пушками и снарядами. Эшелоны ждали своей очереди, чтобы отстучать на стыках рельс последний перегон к Сталинграду.

Целью фашистских самолетов была наша железнодорожная станция Себряково, ведь после ее уничтожения сопротивляемость Сталинграда резко бы снижалась.

Помню, как во дворе нашего дома жители вырыли глубокую длинную траншею, накрыли ее досками, получилось убежище. Рядом были картофельные огороды. Там играли мы – дети пяти-шести лет.

Послышался рев самолетов. От одного из них отделилось что-то черное и понеслось на нас. От испуга я спрятал голову в картофельный куст. Раздался взрыв. Меня что-то накрыло. Это была мама. Схватила меня и унесла в убежище. Фашистские самолеты налетали тучами. Бомбы взрывались ежеминутно. Над траншей визжали осколки бомб, впивались в наше укрытие. Только ночью затихло бомбовое насилие. Мама попыталась вывести меня из убежища. Но не тут-то было. Я сидел в углу траншеи. «Славик, Славик, фриц улетел», – уговаривала меня мам. Но ее уговоры на меня не воздействовали. От страха я оцепенел, потерял дар речи. Мама поманила меня куском сухарика. Я попытался произнести «Дай», но получилось: «Д-д-д-д-...» Так я начал заикаться.

Это мое первое военное воспоминание. Может быть несколько туманное. Но все последующее память держит цепко.

Страх был настолько велик, что с рассветом я убежал в убежище, сидел там днями. Из земляных стен траншеи при взрывах выползали черви. Тогда с голодухи пытался их есть...

Все это происходило в прифронтовой полосе на Сталинградской земле. Фашистов тогда остановили в десяти километрах от нас.

Соседка нам сказала: «Наташа, фронт рядом. Если окажемся под немцами, не миновать расстрела. Потому что твой муж красноармеец и к тому же член партии. И мой – тоже». Вместе они решили перебраться туда, где нас мало кто знал – в деревеньку поблизости. Там, вроде, и бомбили меньше. Отвезти упростили сторожа почты. Уложили домашнюю утварь на телегу. Затем осталось усадить нас. Но это было не просто сделать. Особенно меня, напуганного бомбами и заикающегося.

Путь лежал через станцию. Вся она была в дыму. Стервятники подожгли пристанционные склады с мукой и сахаром. Рвались снаряды разбомбленного накануне красноармейского эшелона. Когда наша телега переезжала железнодорожные пути, бомбардировщики налетели вновь. Мама в ужасе закричала, видя, как от самолетов отделяются бомбы. Старик – возница натянул поводья, принялся хлестать лошадь, чтобы ускорить ее. Но лошадь – это не автомобиль. Животное, все таки. Но наша не первой молодости кобыла не поскакала аллюром, не взвилась на дыбы, а упала между рельсами.

Вспышки разрывов, грохот, задрожала земля. Мама схватила сестренку, потом меня. Мы переползли через рельсы и побежали по дороге, окунувшись в придорожную пыль. Я все время оглядывался и видел столбы густого черного дыма. Он заволок вокзал, водокачку, консервный завод, мельницу...

Перебравшись в деревню, мы поселились в избе, до отказа набитой такими же, как и мы беженцами.

В деревне разместился полевой госпиталь. Маму взяли работать в госпиталь, на кухню. Целыми днями она мыла котлы, скоблила столы, чистила картошку, выносила помой. Уходила с рассветом, приходила ночью. За ней, пахнущей едой, по пустынной деревенской улице всегда

бтели своры голодных собак. Перед сном мама варила нам свеклу и рассказывала, что число раненых увеличивается с каждым днем...

Сталинград сражался. Над деревней завязывались воздушные бои. Ухали зенитные орудия. Не долетев до цели, самолеты с крестами сбрасывали свой смертоносный груз на пригороды. В такие моменты мы прятались в кустах боярышника.

Люди ко всему привыкают. Привыкла к налетам и взрывам и детвора. В огороде устраивали игры, какое детство обходится без них! Нашими игрушками были гильзы, солдатские фляги, пилотки. Кому-то удалось достать перочинный ножик или фонарик. И перед нами открывалось нечто новое, загадочное.

Прибегая в госпиталь, мы видели красноармейцев в окровавленных бинтах. После и играли в «раненых». Огород превращался в лазарет. После очередной бомбежки моя сестричка перевязывала мальчишкам «раны». Мы уже не спешили прятаться в щели при виде самолетов, не пугали теперь нас бомбы, прошло заикание. Словом, «обстрелялись»!

Помню первый мороз. Он навалился сразу и надолго. Стайкой мы собирались за сараями вокруг обыкновенного чайника. Вода струйкой вытекала из него и тут же мутнела, густела, становилась твердой. Это стало для нас открытием. В то утро мне было не до войны. Покоя не давало новое для меня явление природы...

Приезжали со станции знакомые, рассказывали, что эшелонов на ней стало еще больше, что оставшиеся жители работают на восстановлении путей после бомбежек. На окраине поселка открыты траншеи и окопы, хода сообщений. Многие дома превращены в огневые точки.

Враг приближался. По ночам зарево занимало полнеба: горели прифронтовые деревни. Мама пришла как-то из госпиталя почерневшей. Сидела, положив сморщенные от воды руки на подол. Потом сказала, чтобы мы далеко не убежали. Возможно, и отсюда придется скоро уехать с госпиталем.

Наша деревня стала шумной. Танки поднимали снежные вихри. Вскоре, наполняя воздух железным грохотом, они ушли к Медведице. Обратным потоком тянулись санитарные машины, повозки...

В такие дни мы с сестрой почти все время проводили во дворе госпитальной кухни. Мама скребла котлы. Я вертелся возле прибывающих машин со стонущими людьми. Как-то очередной фургон, заснеженный, полуразбитый, замер у госпитального крыльца. Из него вынесли красноармейца. Я подошел к носилкам.

– Ты, малец, здешний? – спросил он, открыв глаза.

– Со станции Себряково.

– Со станции, говоришь? Не займут твою станцию немцы. Остановили их в десяти километрах от Михайловки. Излучина Медведицы оказалась им не по зубам. Невелика речка. Разве сравнить Медведицу с Енисеем? Из Сибири я. Хорошо мы, сибиряки, немцам врезали! Дали по зубам!

Я побежал было рассказать эту новость маме. Но она шла навстречу, улыбаясь, Эту улыбку я помню отчетливо и сейчас, десятки лет спустя... Мама меня погладила по головке, сказала:

– Скорее бы эта проклятая война закончилась! Сколько горя принесла она! – обняла меня и заплакала..

О войне вспоминали и мы – студенты Новочеркасского политехнического института имени Серго Орджоникидзе. О том, что происходило в то время в Новочеркасске, рассказала моя сокурсница Людмила Дашковская.

Ее семья жила тогда на проспекте Ермака. Он содрогался от разрывов артиллерийских снарядов и мин. Фашистам была нужна кавказская нефть.

До сих пор Люся с содроганием вспоминает тот ужасный день. В ее дом влетел артиллерийский снаряд. Он разрушил входную дверь, пролетел через коридор, разбил дверь в комнату

и взорвался в спальне. Шифоньер и буфет разлетелись в щепки, рухнули потолочные балки. Комната превратилась в груды обломков. Лишь уцелел угол, где висела икона, а под ней кровать, на которой спали пятилетняя Люся с мамой и бабушка.

Впоследствии бабушка говорила, что семью Дашковских спасла икона.

Более пятидесяти лет дружим мы – Демьян Саввин и я. Ныне Демьян Демьянович уважаемый студентами преподаватель НПИ, кандидат технических наук. Кажется, знаем друг о друге все. Но только в преддверии 65-летия Победы он поведал о первых днях оккупации Новочеркасска.

Тогда его отец был начальником цеха завода (ныне Новочеркасский электровозостроительный завод), где создавались артиллерийские орудия для Красной Армии. Он был ответственным за ликвидацию самых важных заводских производств, чтобы не достались врагу.

Он несколько дней готовил к взрыву завод. Прибежал домой, выложил на стол два килограмма манной крупы и сказал, что его группа должна последней покинуть Новочеркасск, взять с собой семью не может.

А через день во двор дома, где жили Саввины, въехал мотоцикл. На нем восседал немец в черной нацистской форме. Игравшие здесь мальцы остолбенели. На верхнем этаже дома в окно выглянула женщина и крикнула:

– Герр нацист! Здесь есть еврей! Вот тот мальчишка – еврей! – и указала на Диму.

Нацист подошел к Диме и приказал спустить штанишки. Внимательно окинул взором оголенное место и загоготал «Нон юде!» и на чистом русском языке заявил:

– А вы, дамочка, настоящая гитлеровская патриотка.

Дамочку и ее дочь взяли на работу в гестапо. Они донесли на маму Димы – жену коммуниста, но маме удалось скрыться. Когда был освобожден Новочеркасск, дамочка – гестаповка и ее дочь были растерзаны местными жителями.

Но оккупация продолжалась. Через некоторое время Новочеркасск был радостно взбужден: на железнодорожной станции был взорван фашистский эшелон с боеприпасами. Дима видел, как в небо взлетали вагонные колесные пары. Новочеркасцы поняли, что взрыв – дело патриотов!

Несколько раз во двор приходил назначенный немцами староста городского квартала, предупреждал жителей:

– Прячьте продукты, завтра будет немецкая облава, прячьте продукты!

Население воспринимало его, как защитника, оставленного советской властью для работы в тылу врага.

Пришел день, когда на лицах немцев появилось могильно-гробовое выражение, а на руках – черные траурные повязки. Новочеркасцы сразу же поняли: в Сталинграде фашистам дали пинком в зад!

4. Сражения на Кавказе

А в это время мой отец воевал на Кавказе.

О сражениях за Кавказ во время Великой Отечественной войны опубликованы потрясающие воспоминания ветеранов, созданы многочисленные исторические исследования на основе несекретных и рассекреченных документальных материалов.

Взяться за перо меня побудило то, что многие из публикаций прошлых лет и особенно современных отрывочны и редко создают полную картину боевых действий. Взять хотя бы фильм «Операция «Эдельвейс», показанный по каналу РТР в середине января 2013 года. Он был посвящен 70-летию битвы за Кавказ. К авторам того фильма у меня одна претензия. Они преподнесли военные действия на склонах Эльбруса, как судьбоносное событие для исхода противостояния между СССР и Германией на Кавказе. Но ведь это был эпизод из тысячи и все они были судьбоносными!

Двуглавый Эльбрус, Приют-11, Баксанское ущелье, город Тырнауз, поселки Верхний Баксан, Терскол, перевалы Бечо, Накра (Донгузорун), Хотютау – их мне довелось познать в самых невероятных обстоятельствах, так как мое увлечение – альпинизм и горный туризм. Я также хорошо знаком и другими районами Центрального Кавказа, с его западной и северо-западной регионами, а также с Дагестаном, Осетией, Кабардино-Балкарией, Карачаево-Черкессией, со Ставрополем и Краснодарским краем.

Мой дедушка – рязанский работяга. Моя бабушка – немка – домохозяйка. Встретились они на рыбных промыслах в Дагестане. Там, в Дербенте, родился мой отец. Мои детские годы прошли на Сталинградской земле, юные и зрелые в Ростове-на-Дону. Знаю, что такое налеты фашистской авиации в Сталинграде. Помню развалины Ростова-на-Дону в 1943 году. Мой отец в 1942 году, будучи в Северной группе войск Закавказского фронта офицером-связистом, сражался с фашистами на подступах к нефтепромыслам Грозного. Он был среди тех, кто победил врага в Эльхотовской битве и в Гизельском сражении, благодаря которым враг был остановлен на Кавказе. Поэтому, по моему мнению, в рассказах о войне для сегодняшних молодых читателей не следовало бы ограничиваться отдельными фрагментами типа фашистские молодчики на Эльбрусе, а рассмотреть всю целостную панораму великой битвы за Кавказ, но не только битву, но и ее предысторию.

5. Подвиги на Главном Кавказском хребте

Опьяненный победой под Лозовой и Барвенково, Гитлер подписал Директиву ОКБ № 45. В ней содержался новейший план по захвату Кавказа под названием «Эдельвейс». В него входили – захват транспортных водных путей по Волге в Сталинграде, а также «Ворот Кавказа» – Ростова-на-Дону, а также Кубани, Ставрополья, нефтепромыслов в Майкопе, Апшеронске, Грозном, Баку, создание в Закавказье плацдарма для покорения ближневосточных стран. Эти и последующие сведения привожу по многотомнику «Великая Отечественная война 1941–1945», Москва, «Воениздат», 2011 г.

Летом 1942 года фашистская армада, обновленная за прошедшие полгода, набросилась на юг СССР. У фашистов перевес в танках был в десять раз, в самолетах в восемь раз.

20 июля 1942 года немцы захватили Шахты, 23 июля – вторично Ростов-на-Дону. Как считал Гитлер, «Ворота Кавказа» открылись перед ним. 3 августа пал Ставрополь. Вслед за ним – Кисловодск. 10 августа пали Майкоп и Апшеронск. 12 августа – Краснодар и Элиста.

8 августа 1942 года был первый массированный налет фашистской авиации на Сталинград. После него от города остались практически одни развалины. 23 августа массированной бомбежкой Сталинград был окончательно разрушен.

21 августа 1942 года на Эльбрусе были водружены фашистские флаги. Как это могло случиться, если Баксанское ущелье – кратчайший путь к Эльбрусу, было тогда в наших руках? Следует объяснить, что ущелье Баксан центральное, его верховье образуется из нескольких боковых ущелий. Ущелье Азау ведет к подножию Эльбруса. Два других ведут к перевалам через Главный Кавказский хребет Бечо и Накра (Донгузорун) и через них в Грузию. Через эти два перевала можно выйти в Сванетию и далее к Черному морю. В то время все эти ущелья были в наших руках.

Как же немцы оказались на Эльбрусе? Дело в том, что Эльбрус огромен. Он не входит в систему Главного Кавказского хребта, а лишь примыкает к нему через перемычку – перевал Хотю-тау. На западных склонах Эльбруса – истоки реки Кубань (устье в Азовском море). На восточных – реки Баксан (приток Терека, устье Терека – Каспийское море). Немцы пробрались на Эльбрус обходным путем, по оккупированным ими истокам реки Кубань, через перевал Хотю-тау, не выводящий к Черному морю. Так что фашистские флаги на Эльбрусе и оккупация немцами Приюта-11 на его склоне – это была всего лишь демонстрация фашистами символов покорения Кавказа и религиозной мистики. Но тем не менее на ликвидацию фашистов, засевших на Приюте-11, была направлена из Баксанского ущелья группа красноармейцев. О их подвиге и был показан фильм «Операция «Эдельвейс» по телеканалу НТВ в 2013 году.

Было бы уместно рассказать в этом фильме и о том, что происходило в то время в Баксанском ущелье. Фашисты попытались проникнуть в него. Путь им преградила 392-ая стрелковая дивизия. Эта дивизия оказалась в сложном положении. Выход из ущелья был заблокирован немцами. Верховье ущелья – это снежная стена Главного Кавказского хребта. Долго сражаться без помощи фронта дивизия не смогла бы. Но и сдаваться в плен командиры и красноармейцы не были намерены. К борьбе подталкивал и находившиеся в ущелье молибдено-вольфрамовый горно-обогатительный комбинат и город молибденщиков Тырнауз. Дивизия получила приказ: эвакуировать через перевалы Бечо и Накра молибденовый комбинат с его запасами молибденовой руды в Грузию, жителей Тырнауза и всей дивизией перейти через Главный Кавказский хребет. И она его выполнила.

Но вначале через перевал Бечо перешли молибденщики и жители Тырнауза.

Это была героическая эпопея. Женщины, дети, старики весь сентябрь и октябрь друг за другом по тропе тащили на себе поклажу в верховья Баксана к перевалу. Это был настоящий подвиг простых людей. Они сумели преодолеть на более чем трехкилометровой высоте лед-

ники, почти вертикальные подъемы, снежные метели, суровые морозы. Их подвиг описан в книге И. Ветрова «Перевал Бечо». Сам знаю, как труден перевал Бечо в июле, но в октябре, когда на Главном хребте уже зима и стоят морозы под тридцать градусов с ветром, перенести больных стариков и 230 малышей, на это способны только сильные духом люди. Но ведь еще и сумели переправить через перевал молибденовое и вольфрамовое сырье, добытое в штольнях и рудниках комбината. А также перегнать через Бечо тысячи голов рогатого скота и овец, согнанных в ущелье из предгорья, чтобы не достались фашистам. И все это под бомбами фашистских самолетов. Руководили переходом альпинисты, разысканные на всех фронтах.

Фашисты теснили дивизию все глубже в ущелье. Та отбивалась, прикрывая уходящее население Тырнауза. Ее подразделения перетаскивали через другой перевал Накра (Донгузорун), такой же сложный, разобранные орудия, автомобили, боеприпасы. Весь личный состав дивизии ушел от врага. 16 ноября 1942 года последние воинские подразделения перевалили через Главный хребет в Грузию.

Их переход через перевал Накра наблюдали фашистские горные стрелки из Приюта-11. Он был перед ними в биноклях, как на ладони. Но ведь не уничтожили уходящих! Одно дело кричать – нам нужно Черное море, мы видим его с вершин Эльбруса! Другое – воевать в кавказских условиях с дивизией! Ни единый выстрел из Приюта-11 не сразил уходящих! Ни единой попытки не было предпринято из Приюта-11 ворваться на тропу к перевалу Накра и помешать переходу! А ведь переход дивизии длился двадцать пять дней! Боевые действия разворачивались возле Приюта-11 в только том случае, если советские воины предпринимали попытки его штурма. Слабы были «фрицы» перед дивизией!

А в это время на Западном Кавказе развернулись настоящие бои на перевалах на Главном Кавказском хребте – Марухском, Клухорском, на перевале Санчаро, через которые пролегают тропы к Черному морю. Но красноармейцы и черноморские моряки стояли там насмерть и не пропустили фашистов.

В шестидесятые годы на этих перевалах побывали спортсмены из нашего ракетно-космического КБ «ЮЖНОЕ» и установили защитникам Кавказа памятные доски. Спускаясь с Марухского перевала наша спортивная группа (в ее составе был и я, мне пришлось побывать и на Санчаро, Бечо, Накре, Хотютау, Приюте-11, был участником восхождения на Эльбрус) попала в снежную лавину. Но мы были готовы к ее преодолению – сумели выбраться из ее толщи на поверхность и плыли на ней вниз в ущелье..

6. Битва за кавказскую нефть

Что из себя представлял Северный Кавказ в СССР в то время? На его долю приходилось 86,5 % общесоюзной добычи нефти, 65 % природного газа, 60 % молибдена и вольфрама. Газовые и нефтяные месторождения на нашем Севере еще находились в закромах природы и не были еще разведаны. Так что Грозный, Баку, Майкоп, Апшеронск были нашими нефтяными бриллиантами. Гитлер был не дураком, когда решил завладеть ими и тем самым обескровить Страну Советов.

Путь немцев к Грозному лежал через Минеральные Воды, Прохладный, Нальчик, Владикавказ (Орджоникидзе). Первые три города уже были подавлены танковыми гусеницами генерал-полковника Клейста. Эвальд фон Клейст, помня пленение войск Тимошенко и Хрущева под Харьковом и обещание Гитлера присвоить ему за этот подвиг звание генерал-фельдмаршала, особенно старательно спланировал свои действия с точностью до суток: до нефтяной столицы Северного Кавказа города Грозный он доберется за семьдесят два часа! Но он не учел одного. За прошедшие полгода народ и руководство СССР укрепили свои военные мускулы и стойкость. Укрепилась и мудрость военачальников.

О том, как укреплялись военная сила и мудрость, я часто расспрашивал моего отца. Он, как профессиональный связист, был вместе с полком связи определен в распоряжение командующего Закавказским фронтом. На фронте требовались связисты, знающие немецкий язык, для создания разведывательных подразделений в Северной Группе войск Закавказского фронта. Северная группа дислоцировалась в городе Грозном в районе нефтяных промыслов. Там мой папа Аверков Иван Федотович возглавил подразделение немецкоязычных связистов.

Когда фашистские танки оказались в предгорьях Северного Кавказа, красноармейцы-связисты этого подразделения прослушивали по радиации переговоры немцев и докладывали о их замыслах штабному командованию. Благодаря им командование узнало о намерениях Клейста ворваться в Грозный через Эльхотовские ворота.

Эльхотовские ворота – это узкая щель длиною в несколько километров между двумя хребтами, параллельными Главному Кавказскому. По ней проложен прямой путь к грозненским нефтепромыслам. В этой щели протекает река Терек и построены шоссе и железная дорога к Грозному. Над ними нависают скалы, утесы. И все же эти «ворота» самый безопасный быстрый путь к Грозному. Будущий фельдмаршал Клейст направил свои танки именно в эту щель.

Эльхотовскую «мясорубку» прекрасно описал донской писатель, военный корреспондент Виталий Закруткин в своей книге «Кавказские записки» (Воениздат, 1962 г. и Ростовское книжное издательство, 1975 г.). Она одно из лучших произведений о Великой Отечественной войне. Поэтому позволю себе привести отрывок из этой книги.

27 сентября 1942 года «...фашистский танковый батальон ринулся в узкий проход прямо по терскому берегу. Но эта сумасшедшая попытка лобового прорыва была заранее обречена на провал. Каждое дерево в Эльхотовских воротах было пристрелено советскими артиллеристами, и мины были рассыпаны по всему проходу. На пятнадцатой минуте танки стали взрываться на минах, а еще через минуту наши артиллеристы обрушили туда мощный удар всех своих пушек.

Терский проход напоминал кипящий котел: окрашивая туман в багряные тона, клокотало пламя кустарника, летели вверх вырванные с корнем деревья, тяжелые бревна, жирными клубами черного дыма окутались горящие танки... Наши бойцы, забыв от ненависти о страхе, забрасывали все новые и новые батальоны танков гранатами и зажигательными бутылками, били в упор из пушек и бронебоек. И если вражеские танкисты, выскочив из загоревшей машины, пытались спастись бегством, их мгновенно пронзали сотни пуль».

На помощь артиллеристам пришли бронепоезда. Они открыли огонь по новым группам танков. Фашистские самолеты обрушили на бронепоезда десятки фугасных бомб. Бронепоезда уничтожали самолеты один за другим.

Десять суток длилась, ни на мгновения не стихая, битва. На десятые сутки немцы ослабли. Радиосвязисты, прослушав немецкие переговоры, доложили: идет перегруппировка немецких танковых соединений. На следующие сутки битва возобновилась с небывалым ожесточением. Но командование Северной группы фронта уже знало: немцы нащупывают обходной путь на Грозный через город Владикавказ (Орджоникидзе). Но он значительно сложнее, танкам необходимо преодолеть хребты.

Эльхотовские ворота фашисты не преодолели. Клейст был в бешенстве – неужели он не получит фельдмаршала, если не сможет уничтожить русских? И он пустил танки по хребтам, чтобы стереть с земли Владикавказ.

2 ноября 1942 года две немецкие танковые, одна горно-пехотная дивизия и особый полк «Бранденбург», преодолев хребты, захватили селение Гизель. Из него Владикавказ был виден, как на ладони. Гитлеровцы приступили к штурму города. Снаряды дальноточных орудий уничтожали городские постройки. Вражеские самолеты сбрасывали на город зажигательные и фугасные бомбы. Из селения Гизель по дороге на Владикавказ загрохотали танки. На протяжении 12 дней на окраинах Владикавказа гремели бои. Сражались с обеих сторон почти сто тысяч солдат, грохотали 300 орудий, двести танков, шестьсот пятьдесят минометов, тысяча семьсот пулеметов, сотни бомб, тысячи гранат... Наступавшие уперлись на окраине города в кладбище. За его территорию они не прошли!

Эльхотовское и Гизельское сражения были нашей первой победой после битвы за Москву! 19 ноября 1942 года Советское информационное бюро передало в разделе «В последний час» сообщение об исходе Гизельского сражения: «Многодневные бои на подступах к Владикавказу (г. Орджоникидзе) закончились поражением немцев...». Как ликовали тогда советские люди! Это была первая в 1942 году радостная весточка с фронтов.

Ее могло затмить только сообщение о наступлении наших войск в районе Сталинграда.

В Берлине были удивлены: как могли русские после разгрома советских войск под Харьковом заставить отступить Клейста, когда ему было за Харьковский «котел» обещано фельдмаршальское звание? И не только ему, но и Паулюсу тоже? В Сталинграде же генерал-полковник Паулюс ни на шаг не отступит от завоеванных позиций! Он показал русским под Харьковом свой крутой нрав!

Все было под Харьковом так – и «котел», в который попали советские армии, и расстрел советской кавалерии, которая шла на немцев, так как у окруженных не было танков, и маломощность советской авиации.

Но за прошедшие полгода советские военачальники и в Сталинграде, и под Грозным уже накопили опыт борьбы с врагом. В том числе член Военного Совета Сталинградского фронта Никита Хрущев. А маршал Тимошенко за свою тупость был отстранен от боевых действий до конца войны. За эти полгода советский тыл создал новые оборонные заводы. Ряды нашей армии пополнились новыми миллионами защитников отечества.

До окончания войны на Северном Кавказе было еще далеко. Шли бои за Новороссийск. Немцы все еще надеялись захватить морской порт Туапсе. На подступах к нему шли бои на Фанагорийском перевале.

Но вскоре пришло сообщение о начале наступательных действий наших войск под Сталинградом.

Гитлеровский генералитет понял, немцам не избежать «котла» на Северном Кавказе. Был отдан приказ о выводе немецких войск из кавказских предгорий. В ночь на 10 января 1943 года гитлеровские горные части покинули перевалы Главного Кавказского хребта.

Дела в Сталинграде шли к капитуляции немецких войск. Но 30 января 1943 года фюрер присвоил Паулюсу звание фельдмаршала. Свихнулся ли из ума фюрер, недоумевали в СССР? Доказательством тому стал следующий поступок фюрера: 1 февраля 1943 года фельдмаршалом стал Клейст. За какие заслуги им обоим? Только лишь за Харьковский «котел»? Как быть с их поражением в Сталинградском «котле», в Эльхотовском ущелье и в Гизельском сражением?

1 февраля 1943 года в подвале сталинградского Центрального универмага сдался в плен фельдмаршал Фридрих Паулюс.

12 февраля был освобожден Краснодар.

13 февраля 1943 года был освобожден Ростов-на-Дону.

В этот же суровый зимний день группа военных альпинистов под руководством мастера спорта Н. Гусака взошла по заминированным фашистами склонам Эльбруса на его Западную вершину, сорвала фашистский флаг и водрузила на ней советский. 17 февраля 1943 года военные альпинисты под руководством мастера спорта А. Гусева водрузили советский флаг на Восточной вершине Эльбруса.

Но битва за Кавказ была еще не окончена. Только 16 сентября 1943 года был освобожден Новороссийск, 21 сентября – Анапа. 9 октября 1943 года последний фашистский солдат был сброшен с берега Таманского полуострова в Керченский пролив.

Но до Победы над фашистской Германией было еще далеко. Чтобы ее приблизить, пленный фельдмаршал Паулюс стал выступать по советскому радио с обращением к немецким офицерам и солдатам сдаться в плен и сложить оружие. Жизнь научила его различать белое и черное.

Клейст воевал в фельдмаршальском звании до покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. Его обвинили в том, что зная о подготовке покушения, не донес о подготовке Гитлеру. Был отстранен от фельдмаршальских дел. Умер в советском плену. Говорят, что в плену часто задумывался: неужели виной краха его карьеры было владикавказское кладбище, не пропустившее его танки? Неужели даже кавказские покойники в могилах ненавидят врагов?

7. Возвращение в родной обстрелянный дом на сталинградской земле

Домой в Михайловку мы возвращались пешком. Мама впряглась в тележку с узлами. Я и сестра тащились сбоку. Себряково не узнали – развалины вокзала, руины складов и мельницы, останки кирпичных стен консервного завода, кучи разбитых стеклянных банной и бутылей. У переезда стоял часовой.

– С возвращением! – поздравил он и помог перенести тележку через рельсы.

Михайловка тоже превратилась в жалкое зрелище – полуразбитые дома, одинокие печные трубы.

Вскоре Михайловку заполнили пленные румыны. Они бродили по дворам, просились в избы. С пленными немцами обращение было особое, как с ярим врагом. А на румын смотрели сквозь пальцы. Какие они вояки – немецкие прихвостни – ни фашисткой идеологии, ни немецкой воинской выправки вместе с фашистской историей.

Двое таких румынских «завоевателей» постучались к нам. Мама впустила их. Сразу же они прилипли к печке. Вид у них был жалкий. Кожа на лицах была обморожена, руки – кожа на костях. Расплакались. Лопотали что-то не по нашему. Один из них вынул из лохмотьев фотографию.

– Букурешти, Букурешти, – повторял он, а потом вытащил еще один снимок, – жена, дети!

Показал третий снимок и разрыдался:

– Виолине, мюзик, скрипка.

– Музыкант, стало быть, – догадалась мама, – а зачем воевать пошел?

– Гитлер – капут! Антонеску – капут!

– Капут, когда на Медведице всыпали вам и надавали по шее.

– О, Медведиць, Медведиць... Букурешти... Мюзик... Опера... – сыпались слова.

Румын держал в руках воображаемую скрипку, только мерзлые пальцы не хотели слушаться его.

Для меня все было новое в происходящем: и упоминание о неизвестном тогда для меня Букурешти, и слезы скрипача, и движение его обмороженных рук. Мы с сестрой спрятались от непрошенных «гостей» под кроватью. В своем укрытии, наблюдая за происходящим, мы были потрясены образом и действиями непрошенных «гостей». Имитация скрипки, упоминания о детях. Если о детях я имел представление, то скрипка была для меня в диковинку. Мне так захотелось узнать, что это за чудо такое, заставляющее людей так сильно переживать.

На рассвете прогрехотала последняя бомбежка. Одна из бомб попала в школу, где содержались румыны. Вторая угодила в дом рядом с нашим жилищем. Взрывная волна подхватила потолочную балку, перенесла ее через улицу и на излете бросила на наше пристанище. Наш домишко покосился, с потолка осыпалась штукатурка, в стене образовалась трещина. Мы были рады, что остались живы.

А днем я побежал смотреть на разрушенную школу. Одна ее стена обвалилась полностью. Было видно, как румыны перетаскивают из непригодных для жилья комнат свой скарб. Рядом со мной оказался подросток.

– Где же теперь мы будем учиться? – воскликнул он, – Проклятые фашисты, смерть вам за ваше злодейство!

Я спросил юношу:

– Как тебя зовут?

– Боря Гришин. До прошедшей ночи я жил в доме напротив твоего. Теперь моя семья бездомная. Хорошо еще, что ночевали мы у родственников. Поэтому и уцелели.

– Боря, будь мне другом!

Вскоре пришел долгожданный «треугольник» от папы.

«Здравствуй, моя любимая Наташенька! – писал он. – Здравствуйте, мои детки Славочка и Клавочка. Враг бежит...».

Ночью, укрывшись с головой одеялом, я сочинял ответ. Снились мне наша лесная Медведица, ставшая непреодолимым рубежом для захватчиков, танки на ее берегу, следы трассирующих пуль в ночи, раненый солдат на завалинке и звуки скрипки...

8. Фашистский генерал Руофф: гитлеровский Ростов-на-Дону – это ворота в Индию

Изредка я просил папу – офицера штаба Северо-Кавказского Военного Округа – рассказать подробно о его военной деятельности на фронте. Он отмалчивался. Иногда говорил:

– Я тебе рассказал малую толику всего, что было. Когда снимут секретность с моего прошлого, вот тогда – пожалуйста.

Мы всей семьей перебирали военные фотографии, рассматривали. Было их немного. Папе было нельзя фотографироваться на фронте. Война есть война. Для победы тайны играют существенную роль. Теперь архивы открываются. И мы узнаем, как трудно она досталась. И все-таки папа как-то обмолвился:

– Когда на фронте допрашивали одного из пленных, тот рассказал, что был свидетелем интересного факта. После того, как в июле 1942 года был взят немцами Ростов, этот будущий пленный находился на берегу Дона возле взорванного моста. Рядом вели разговор высокопоставленный генерал и какой-то японец. Генерал показал японцу на другой берег Дона и воскликнул:

– Ворота на Кавказ открыты!

И еще добавил:

– Я уверен, вскоре войска фюрера встретятся с войсками вашего императора в Индии.

Как мои красноармейцы негодовали тогда, когда я им перевел слова пленного! Хотели его расстрелять! Мне пришлось сопроводить пленного в штаб, иначе разорвали бы его на куски.

Этот рассказ папы побудил меня к тому, чтобы порыться в архивах. Я нашел в рассекреченных документах, что это были командующий 17-ой немецкой полевой армии генерал Руофф и японский военный атташе.

Фашистская ось Берлин – Токио провалилась. Ныне в Ростове-на-Дону, на левом берегу Дона воплощаются в жизнь совсем другие замыслы. Например, принять на донской земле чемпионат мира по футболу, объединяющий весь Земной шар. Объединяющий, а не разрушающий человечество.

Почему я, ракетостроитель, вспомнил некоторые эпизоды Великой Отечественной войны?

По многим причинам. Дело в том, что подавляющее большинство сотрудников нашего ракетно-космического конструкторского бюро «Южное» испытали на себе все ее невзгоды. Например, заместитель главного конструктора, начальник одного из проектных подразделений Герой Социалистического Труда, профессор, член-корреспондент Академии наук Николай Федорович Герасюта был участником Сталинградской битвы. Руководители нашего КБ М.К. Янгель и В.С. Будник в годы войны ковали победу, разрабатывая новейшие истребители в авиационных КБ.

Потому что мы все – создатели ракетно-космических комплексов, пережившие наше-ствие фашистской нечисти, понимали, что без наших ракетно-космических «изделий» наши открытые и прикидывающиеся борцами за демократию недруги сотрут нас в порошок. Без наших ракетно-космических «машин» нашу страну разорвут на клочья.

Глава III. Сражения Чрезвычайного и Полномочного посла

1. Партизанская Белоруссия

Да наших дней сохранилась справка, выданная в конце Великой Отечественной войны начальником особого отдела партизанской бригады имени Пономаренко Заварькиным:

«А.И. Столярова создала агентурную сеть. За период своей работы составила и передала партизанскому отряду план города Борисова с указанием расположения фашистских частей, школы Абвера, укреплений и аэродрома. Через своих агентов проникла в фашистскую националистическую партию, созданную из предателей белорусского народа, и передала партизанам сведения об этой партии. Собирала и передавала отряду «За Родину» сведения о передвижении противника через станцию Борисов по железнодорожной магистрали Орша – Минск, а также данные о состоянии и движении на Борисовском аэродроме».

Вторая справка выдана командиром разведывательной группы Западного фронта старшим лейтенантом Ермаковым:

«Справка. Дана настоящая гражданке Столяровой Александре Ивановне, проживающей городе Борисове ул. Дзержинского 76 в том, что она действительно работала в качестве агента для пользы Советской разведки с 10 сентября 1943 г. по 18 декабря 43 г.

Все порученные задания выполняла точно и полностью.

Что и удостоверяется печатью Красно-Партизанской бригадой им. Пономаренко».

Третья справка выдана Партархивом Института истории партии при ЦК КП Белоруссии – филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС:

«№ 14059 от 19 октября 1970 года. Дана гр-ке Столяровой А.И. проживающей в г. Днепрпетровск, ул. Рабочая, д. 83, кв. 108.

Столярова Александра Ивановна, 1903 года рождения, с 1 августа 1942 года по 15 декабря 1943 года являлась связной отряда «Коммунист» бригады им. Щорса Минской области, с 15 декабря 1943 года по июль 1944 года числится медсестрой отряда «За Родину» бригады им. Пономаренко вышеуказанной области.

Справка составлена по материалам партархива.

Зав сектором партархива Института истории партии при ЦК КПБ Л. Аржаева».

Справки уникальные. Не часто советские чекисты расписывают на бумажке свои неафишируемые дела.

Александра Ивановна Столярова, жительница белорусского города Борисова, работала медицинской сестрой в 1-й городской больнице. После захвата город фашистами эта больница была превращена немцами в военный госпиталь. Весь медицинский персонал и Александра Ивановна в том числе были отправлены немцами в другую больницу, превращенную оккупантами в инфекционную. Фашисты сюда свозили всех больных тифом, в том числе и военнопленных из лагерей. Персонал «инфекционки» ухаживал за больными, вырывал их из лап смерти.

К Александре Ивановне и обратились партизаны.

– Давно я ждала связи с вами. Что делать?

Снабжала партизан порошками и таблетками. Следующее задание было сложнее. Александра Иванова помогала выздоравливающим уходить в лес.

Выдавала патриотам справки:

«Прошел лечение от тифа, направляется по месту жительства».

А в журнале регистрации против их фамилии проставляла отметку – умер. Многих она переправила осенью 1942 года и зимой 1943-го в лес к партизанам.

Собрала группу из десяти человек. Информация, собранная ими, стекалась к Шурочке. Так называли Столярову знакомые.

Ее квартира в Борисове превратилась в подобие подпольной партизанской базы. У Шурочки ночевали связные из партизанской бригады имени Щорса. В этих же комнатах находился и ее сын Володя Дедюшко. Ему было в то время 12 лет.

...И все же без срыва не обошлось. На улице немцы устроили облаву на местных жителей. Среди них оказалась и Столярова.

... Тюремная камера. Тридцать женщин прижались друг к другу. Иначе не поместиться. Дверь со скрежетом открылась. Увели несколько человек. Ей надзиратель сказал с ухмылкой: – Столярова! Тебя расстреливать будем позже. А сейчас собирайтесь на допрос.

Следователь жестко буравил глазами:

– Столярова! А ведь тебя твои сокамерницы выдали! Выкладывай, зачем сожгла Гитлера? Видела, как пятерых баб увели из камеры? Мне ничего не стоит и тебя отправить вслед. Если не будешь откровенной.

«А почему он ни разу не спросил о разведработе? О моих агентах? О моей явочной квартире? Почему не спрашивает о партизанском отряде? Скорее всего меня схватили в облаве за компанию. А кто-то из сокамерниц купил свободу, рассказав, как в больничной печке пламя пожирало портрет Гитлера?»

А вслух:

– Господин следователь! Ну почему мне не везет? Мужа красные в тюрьму сажали. А меня вы...

– Муж был против советов?

– Против, – соврала она.

– Ладно, ступай в камеру. Проверим.

И снова потянулись дни в заточении. Расстреляли ее подругу Лину Филиппович. Она доставала для партизан аусвайсы (удостоверения). Расстреляли Олю Корнюшко. Тоже за связь с партизанами. Когда же настанет ее очередь?

После очередного допроса вели ее по тюремному коридору. Тюремщик – лысая голова с рыжими усами. До войны встречались в больнице. Записку мужу передать отказался. Лишь пообещал выпускать из камеры на работы. Куда ее распределят сегодня? Мыть заплыванные полы в тюрьме или чистить сортиры за забором под автоматом! Как хочется на волю! Как там ее люди без нее изворачиваются? Партизанам новые сведения о немцах всегда нужны. Чем занимается ее сыночек Вовочка?

...Утро. Дверь скрипит, как древняя старуха. Из-за нее доносится волшебный голос:

– Столярова! Будешь мыть полы в казарме.

Ведро. Тряпка. Замызганные доски. Пьяный гогот. Ввалился в казарму молодой парень. И вдруг она слышит:

– Мамаша! А вы что здесь делаете?

«Кто произнес это? Неужели Вася Завьялов? Как же ты, Васенька, оказался в шайке предателей? Я тебя, тифозного, выходила, дала справку, записала в умершие!»

– Попала в тюрьму, Василек. Сама не знаю, за что? Завтра ты меня расстреливать будешь!

– Да что вы, мамаша! Вы ж меня от смерти спасли!

– Если оказался здесь, значит, первый в меня будешь целиться и застрелишь. Так – то, Вася! Судьба у меня, наверное, такова. Делаешь людям добро, а они тебя в могилу запихнуть стараются.

– Правда ваша, мама! Смалодушничал я. К партизанам не дошел. По пьяни дружок в полицию сманил. Теперь сам не рад! Жизнь моя пропащая... Но тебя я выручу!

И закричал, пересиливая пьяный гогот:

– Эй, мужики, поручимся за мою мать? Не виновата она!

– Василек, – уставился на Александру Ивановну пьяный базар, – А твоя мамаша хороша!

– Ну что, братки, выручите?

– Выручим! Поручимся! Мы тебя знаем. Ты наш! А твоя мамаша из нашего кодла!

И поручились перед фашистским следователем за резидента партизанской разведки в белорусском городе Борисове. Вызволили из тюрьмы. Вышла на свободу. Мало ли на свете бывает чудес!

2. В фашистском лагере советский посол

Вышла и стала более осмотрительной. И все же душа ее всколыхнулась, когда в конце лета 1943 года к ней обратилась одна из приятельниц:

– Шурочка, тебе известно, немцы из лагеря пленных отпускают? За взятку. Мужа или сына. Я на днях своего племянника освободила.

– Что-то я раньше от тебя о племяннике не слышала. И об освобождении в первый раз слышу. Да уж ладно. Бог тебе судья. Если нужно, чтобы появился племянник, так тому и быть. А взятка-то какая?

– Известно, что немчуре нужно – сало да самогон.

– Все, что ты рассказала, интересно. Но не более. У меня за колючей проволокой никто не мается.

– Знаю. И все же есть причина обратиться к тебе. Племянник надоумил. Который раз просит: найди хорошего человека. В лагере находится военный. Он спас племянника от лагерного бандита. А ты в инфекционке работаешь. Надо помочь этому большому военному выйти на волю.

– Кто это большой военный? Может быть, ты меня под монастырь подводишь?

– Племяш сказал, что это московский ополченец – юрист, попал в плен под Вязьмой.

– А как же он оказался у нас, в Борисовском лагере с крутой характеристикой?

– Вот его сама и расспросишь.

– Задала ты мне, подруга, задачку. Подумать надо, на то и есть голова на плечах.

Ранее, когда партизаны скрывались в Шурочкиной явочной квартире, передали ей устное сообщения от начальника особого отдела партизанской бригады имени Пономаренко Заварыкина:

«В Борисове надо быть особенно осторожной, так как в городе находятся агенты абвера».

Шурочка, предупрежденная об этом, стала размышлять:

«У нас орудует абвер, а военнопленных из лагеря пускают домой за сало, не является ли предложение выволить военнопленного высокого ранга из контролируемого абвером лагеря для военнопленных провокацией?»

Для неосведомленных читателей, привожу разъяснение, взятое мною из «Военной энциклопедии»:

«Абвер» это было Управление разведки и контрразведки («Абвер-заграница») верховного командования вооруженных сил (ОКВ) фашистской Германии. Основной задачей этого управления была организация широкой разведывательной и контрразведывательной работы против стран, в отношении которых разрабатывались и осуществлялись планы военного нападения, особенно против Советского Союза.

Управление Абвер-заграница состояло из следующих отделов:

абвер-1 – разведка;

абвер-2 – саботаж, диверсия, террор, организация восстаний, разложение противника;

абвер-3 – контрразведка;

«Аусланд» – иностранный отдел;

ЦА – центральный отдел.

Одно из подразделений абвера обосновалось в белорусском городе Борисове».

Задумалась Шурочка: «А если ее, действительно, заманивают в гестаповскую ловушку?».

Дала задание своим партизанским подругам проверить «племяша» и его «тетушку». Подруги дней десять следили за «тетушкой» и ее «племяшом», вроде бы, фашистского криминала в их поведении не заподозрили.

Через связного партизанской бригады имени Щорса А.Е. Мухина передала Шурочка сведения о важном военнопленном начальнику особого отдела партизанской бригады Заварькину. Через некоторое время получила задание организовать побег из лагеря ополченца – юриста и провести бежавшего через фашистские кордоны в лес.

Вместе с Мухиным задумалась об организации предстоящего побега. Выйти из лагеря было чрезвычайно сложно. Лагерь был ведь под контролем подразделения «абвера», обосновавшимся в Борисове.

Военнопленных иногда посылали на расчистку завалов на городских улицах. Тогда немецкие охранники вроде бы и меняли пленным женам или детям на соль и самогончик. Как говорится, абвер есть абвер, да только и фашистским служивым в лагере хотелось самогончиком снять стресс. Офицерье высокопоставленное хлестало коньяк, а что делать простому служивому?

Шурочка решила, пусть «племяш» будет следить за воротами лагеря. Как только обнаружит в выведенной за ограждение на разборку развалин группе военнопленных ополченца-юриста, пусть даст ей знать. А она вместе с Мухиной будет прятаться поблизости.

А вот как выбраться из города, если на всех дорогах были немецкие посты, покумекает она. Город усиленно охранялся из-за находившейся в нем школы Абвера, поставившей за линию фронта в наши города и воинские части диверсантов и шпионов.

Решила раздобыть документы. Не получилось. Свой человек в управлении бургомистра был предан негодяями, арестован и расстрелян. Тогда Шурочка решила использовать паспорт своего мужа Николая Фомича Дедюшко. Он был такого же возраста, как описал «племяш» военнопленного.

Фотографию на паспорте пришлось немного затереть. Год рождения 1895-й подозрения не вызывал. Подобрала и одежду из мужней.

«Племяш» прятался невдалеке от ворот лагеря за палисадником одного из домов, одно утро. Шурочка и Ксюша в это время находились в условленном месте. Группу вывели, но ополченца-юриста в ней не было. На следующее утро тоже его не было. На пятый раз «племяш» его заметил и подал знак Шурочке.

К воротам лагеря подошла Столярова. Группу пленных вывел конвоир. С ним и начала договариваться разведчица:

– Уважаемый, отпустите моего мужа!

Сговорились за десяток яиц, кусок сала и бутылек шнапса. Схватила за руку «муженька» и увела в глухой переулок. Там их ожидала Мухина.

«Племяш» из-за палисадника подал знак веточкой:

Он!

Александра Ивановна вручила вызволенному из лагеря одежду Николая Фомича. Заявила:

– Кто ты есть, не досуг разбираться! А теперь ты мой муж Николай Фомич Дедюшко. Запомни! Забудешь, проговоришься – голова с плеч и твоя, и моя, и моей семьи! И в придачу связного Мухина с семьей! Я теперь твоя жена. А зовут меня – Шурочка.

И вручила ему паспорт. Договорились, если будут спрашивать, куда идем, отвечать: на сенокос. Александра Ивановна знала, что заготавливали крестьяне сено в каждой деревне.

По дороге из города пошли размеренным шагом. Жена Мухина Ксения Николаевна несла корзину с продуктами.

Впереди показался немецкий пост проверки документов. У Столяровой заколотилось сердечко, когда немец взял у вызволенного из лагеря паспорт мужа. Приготовилась говорить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.